

ЮСУПОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ—ГЕНЕРАЛЬНОЕ ГЕРМАНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Наброски съ натуры худ. журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

- 1) Германскій флагъ надъ особнякомъ кн. Юсупова. 2) Приёмъ частныхъ писемъ въ оккупированныя германцами русскія области. 3) Приёмъ просителей представителемъ консульства. 4) У справочнаго стола.

Старинный барскій особнякъ кн. Юсуповыхъ графовъ Сумаровыхъ-Эльстонъ на берегу р. Мойки незадолго до февральской революціи привлёкъ къ себѣ вниманіе петроградцевъ. Здѣсь произошло мелкое, правда, для нашихъ дней, но крупнѣйшее для того времени, событіе, давшее, можетъ быть, толчокъ къ разряженію атмосферы недовольства и революціоннаго броженія въ массахъ: мы говоримъ о таинственномъ убійствѣ «старца» Григорія Распутина. Юсуповскій дворецъ избѣгъ участи «внутренней» оккупациі. Шведское правительство, взявшее на себя защиту германскихъ и австрійскихъ интересовъ въ Россіи, сняло особнякъ подъ помѣщеніе бюро для военнопленныхъ. 1 іюня с. г. состоялась официальная передача дѣлъ прѣхавшей германской делегаціи, и жизнь дворца сразу приняла болѣе дѣловой характерный нѣмецкій облакъ. Сюда стекаются массы германскихъ военнопленныхъ, отправляемыхъ обратно въ фатерляндъ. Здѣсь обитаютъ пороги жители оккупированныхъ областей, стремящіеся вернуться на родину и не вѣдающіе, къ какой національности или странѣ они принадлежатъ: къ эстонской, латышской, литовско-бѣлорусской и украинской республикамъ или польскому, румынскому королевствамъ. Отвѣты вѣжливые, дѣловитые получаютъ всѣ, но не всѣ остаются довольными: вернуться на родину даже съ перекрашенной національностью не такъ-то легко... Здѣсь же приёмъ писемъ въ оккупированныя области по 50 коп. за письмо. Во дворцѣ чисто, опрятно. Характерныя нѣмецкія надписи направляютъ посѣтителя немедленно къ цѣли.

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА: Государственная Типография, Гатчинская, 26, входъ со двора
и въ Конторѣ „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50 (уг. Садовой).

ПЕТРОГРАДСКІЕ ВОКЗАЛЫ.

Очеркъ АВГУРА.

Рис. худ. В. МИХАЙЛОВА-СЪВЕРНАГО.

Когда умираетъ человѣческое тѣло — къ губамъ поднимаютъ зеркальце.

Если полированное стекло замутнится, значитъ не умеръ еще человѣкъ, значитъ есть въ немъ дыханіе...

Зеркальцемъ у коснѣющихъ устъ Петрограда служатъ, какъ ни странно, не митингующія мѣста, а вокзалы.

У каменныхъ стѣнъ и обтерханныхъ оградъ всѣхъ питерскихъ вокзаловъ ясна эта муть на зеркалѣ, ясна эта пѣна отбоя и пѣна прибоя, пѣна, такъ сказать, послѣднихъ вздоховъ...

Николаевскій вокзалъ.

Съроватныя стѣны на треть забрызганы плевками подсохшей грязи.

Видъ невообразимо неряшливый, хаотическій и неуловимо тревожный.

Предъ входомъ и выходомъ, надъ которыми на желѣзныхъ кронштейнахъ выставлены строжайшіе запреты, поставлена деревянная загородка.

На плохо устроенныхъ бойняхъ обыкновенно за такіа загородки гонятъ мелкій скотъ, предъ тѣмъ, какъ стукнуть гирей въ бараній плоскій лобъ.

Загородка залоснена плечами мѣшочниковъ, мѣшками и сальными чемоданами англійскаго плоскаго образца, изъ которыхъ, однако, сочится лилового оттѣнка сукровица.

Глядѣть противно!

Вотъ оно, значитъ, какъ кормятъ столицу! Что ни чемоданъ полосатенькаго колѣнкора и даже «фибра», очевидно, доставшійся эжъ-денщику (а нынѣ мѣшочнику) отъ барина-офицера, то теленокъ.

Чрезъ вокзалы бѣгутъ толпы мѣшочниковъ. Какъ пушкинскій сынъ, каждый сынъ

изъ трехъ сыновей, везъ съ собой польку-красавицу, заневѣстивъ ее, такъ эти чемоданоносцы каждый тащитъ... по одному молокомъ отнюенному теленку...

Вотъ группа мѣшочниковъ, привалившихъ у Сѣв. гостиницы.

Они неохотно уходятъ отсюда. Здѣсь имъ платятъ большія деньги. А если пойдутъ по домамъ да станутъ, — непрошенные, — стучаться въ двери, то заплатятъ имъ много хуже, дешевле...

Нѣкій съ ружьемъ, висящимъ поперекъ туловища, совсѣмъ какъ у офенбаховскаго опереточнаго берсальера, подходитъ и, насторбучивъ ядовито озлобленный взоръ, цѣдитъ бѣшено сквозъ прокуренные зубы:

— Уходите вонъ, съ яйцами къ черту подъ передникъ!..

Изъ кучи мѣшочниковъ одинъ изъ бойкихъ солдатъ, съ четырьмя багровыми нашивками на обшлагѣ, отвѣщается:

— Что же такъ?

— А такъ! Къ чертямъ и вся недолга.

Толпа молча и неодобрительно слушаетъ. Вооруженный требуетъ:

— Продавайте, если не хотите уходить, по закону, а не такъ.

— Какъ такъ?

— А такъ. Дорого продаете, вотъ что. По закону требуется...

— Грамматика тоже имѣетъ свои законы, — хихикаетъ блеклый грамотѣй въ толпѣ голодныхъ потребителей, — говорятъ, милѣе человѣкъ, не требуется, а требуется...

— Знаемъ ваши законы! Голодны сидимъ... Безъ законовъ, хотя, а кормятъ мѣшочники.

— Владѣемъ городомъ, помираемъ голодомъ! — прямо по пословицѣ...

Вооруженный, поднявъ винтовку, смиренно цѣлится прочь, и окровавленная миловидная головка теленка безсильно падаетъ изъ отверстой пасти чемодана, похожей на пасть голоднаго гиппопотама...

Начинается торгъ.

Всѣмъ мѣшочника не вѣрятъ.

Появляются пружинные крохотные безмѣны, причемъ одинъ вѣшаетъ, а десятки пальцами тянутся, консультируютъ, провѣряютъ вѣсъ.

У кого не скупили, тѣ печально тянутся въ городъ. Нужно поскорѣй сбыть...

Въ двухъ шагахъ вокругъ памятника Александра пристроились по гранитной облицовкѣ въ сторону Старо-Невскаго только торговцы картофелемъ, а въ сторону Ново-Невскаго — только торговцы мясомъ и молокомъ...

Толстый, плечистый ватный царь глядитъ изумленно на этотъ разливъ мѣшочной благодати.

Толпа тѣниво глядитъ на бульдожью морду бронзоваго першерона, на жандармскую шапочку Александра, на укіе полосатыя пестрядины мѣшки, пучащіяся кругло картошкой.

Ко всему привыкъ опалѣлый, помутнѣвшій взоръ петроградца, а въ особенности — въ двухъ шагахъ отъ жуткихъ вокзаловъ.

* * *

Но вдругъ треугольная, занавоженная площадь вся цѣликомъ — словно сердце — екнула и потекла къ памятнику.

Что случилось? Чудо?

Бронзовый конь, проголодавшись, хватилъ металлическими губами аппетитную горку картофеля, выставленную для приманки за чугуномъ ограды памятника. Мѣдный владыка тяжкимъ бранчивымъ словомъ своимъ пророкоталъ густо на всю голодную площадь:

— Нѣтъ!

— Зачѣмъ же.

Апокалиптическія знаменія, вообще, можно сказать, не удивили бы нашу ко всему притерпѣвшуюся питерскую публику... Но случилось чудо безмѣрное.

А именно:

Нѣкій внушительнаго вида человѣкъ съ потертой саблей на сѣромъ шинельномъ боку влѣзъ на ограду, всталъ на одинъ изъ столбиковъ и, поднявъ мокрое, каплющее опаловыми каплями сыровотки лукошко, выкликаетъ:

— Подходите за дешевымъ сыркомъ, товарищи и граждане.

— Цѣна? — ревутъ.

— Дешевая. Два рубля фунтъ.

Рядомъ стоитъ баба въ кубовой подоткнутой юбкѣ.

Грязныя слезы текутъ по сѣрымъ пыльнымъ морщинамъ ея жалкаго лица.

Она плачетъ тихо и какъ бы обезумѣло повторяетъ:

— Лукошко, слышите, отдайте мнѣ... тряпка, слышите, въ лукошкѣ отъ...

— Ладно, отдамъ...

— Кто ее?

— Красногвардеецъ, вишь. Пришелъ и распорядился, дай ему Богъ здоровица. Покуримся.

— Видишь, какъ рассуждаешь. Вѣднаго человѣчка обидѣли.

— Ужъ и вѣднаго... Мародерчика. Жалѣльщикъ какой напелся!

— Самъ, небось, за нашимъ братомъ въ чередъ станешь!..

— Я то?

— Ну-да. Ты-то!

— Я-то?!

— Чего затакалъ. То шесть рублей, а то два!

Баба плачетъ. Вооруженный человѣкъ быстро и ловко, загребая суздальской ложкой, на которой написано: «Поклона съ Со-

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **Огонекъ**

Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“

въ розничной продажѣ:

въ Петроградѣ 75 коп.

въ Петроградѣ 80 коп.

на ст. жел. дор. 85 коп.

Редакція „Огонька“

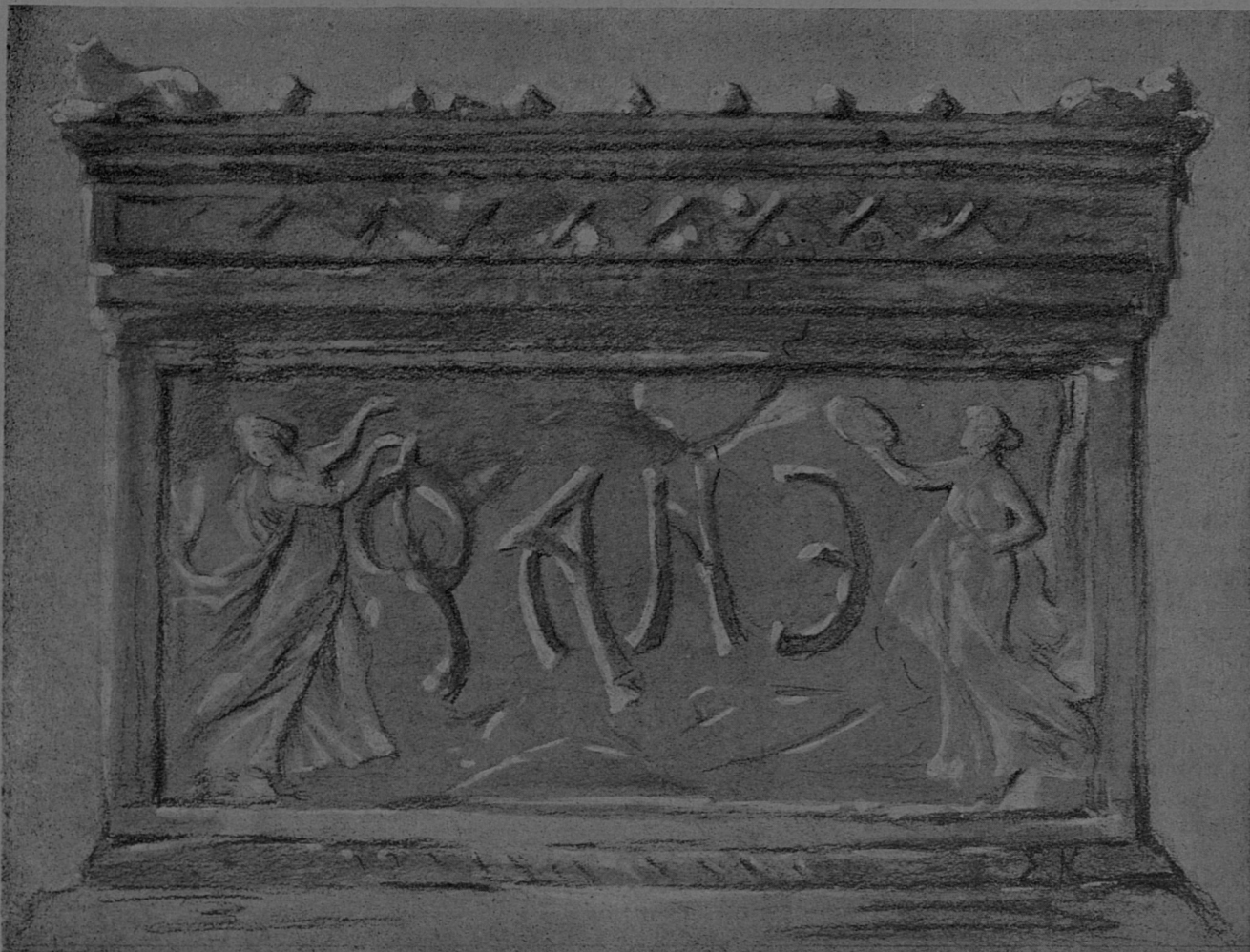
Петроградъ, Офицерская ул.
№ 54

№ 15

Воскресенье, 16 (3) іюня 1918 г.

№ 15

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ П. П. ГНѢДИЧА.

Иллюстраціи для „Огонька“ худ. Е. Ч. КЛАКЧЕВОЙ.

I.

Одни называютъ этотъ островъ Мѣднымъ, другіе Краснымъ. Вѣрнѣе было бы его называть Мѣдиокраснымъ: его обнаженные утесы были испещрены ржавыми жилами, а на закатѣ казались кровавыми. Все гдѣ воздымались рощи оливокъ и кипарисовъ. Они связывались съ берегомъ чуть замѣтными тропами. Да и неувѣрительно: на всемъ островѣ жило только трое. Всѣ трое были отшельники. Звали ихъ: Маркъ, Анфій и Севиръ.

Жили они порознь, въ маленькихъ хижинкахъ, скрывавшихся подъ оливами, защищенныхъ отъ вѣтра прибрежными

скалами. А вѣтры здѣсь были сильныя, особенно осенью,—холодныя, насыщенные морской солью. Они были жалостно и злобно, крутя и унося вдаль покореженные листья деревьевъ. И тогда Маркъ говорилъ:

— Опять демоны плачутся, не хотятъ, чтобы Господь зажалъ ихъ въ пещеры!

Севиръ на это ничего не возражалъ. Да онъ вообще ничего не говорилъ. Ему было лѣтъ девяносто. Онъ рѣдко вылезалъ изъ своего логовища, и что-то младенческое было въ его оловянномъ, ласковомъ взорѣ. Онъ готовъ былъ всѣхъ приглубить, даже чертей: въѣдъ и имъ порою не легко приходится.

Анфій—самый молодой изъ нихъ,—ему было лѣтъ сорочъ, и борода его не хотѣла еще покрываться серебромъ старости,—Анфій скептически замѣчалъ:

— Не демоны это, а осенній вѣтеръ.

— А что такое вѣтеръ, какъ не дыханіе боговъ? Если оно благосклонно, то людямъ пріятно. Если оно вредоносно, то люди прикрываютъ я шкурами и уходятъ къ себѣ въ жилище,—объяснялъ Маркъ.

— Я христіанинъ,—стоялъ на своемъ Анфій,—и признаю токмо единого Бога. Ни въ водахъ, ни подъ землею, ни на небѣ—никакой итъ нечисти.

Маркъ вздыхалъ.

— Молодъ ты, и еще не умудренъ, — говорилъ онъ. И напрасно ты думаешь, что древніе боги — одинъ вымыселъ, что нѣтъ ихъ.

II.

Иногда, сидя у черты прибоа, тамъ гдѣ лазурныя волны теплыми поцѣлуями ласкали ихъ голыя ноги, тихо говорилъ старый Маркъ своему ученику:

— Человѣку не было дано понять Творца міра. Онъ уловилъ только царство вторыхъ служебныхъ силъ и вступилъ въ общеніе съ ними. Онъ чаровали ихъ своей силой. Онъ вылетали въ человѣческую жизнь золотыя нити радостей. Но на ряду съ этими святыми познаніями онъ и бѣсовское зло сѣяли вокругъ, и подъ властью злыхъ демоновъ находились люди.

— Ты полагаешь — Изида нѣтъ, Астарта нѣтъ, Діаны нѣтъ? Есть онѣ. Это то вѣчное, женское, что розлито въ мірѣ. И пока есть на землѣ жизнь, до тѣхъ поръ изъ вѣры не вычеркнешь женское начало. Ева вкусила въ раю запретный плодъ. Ева родила вѣхъ людей на землѣ Ева родила пророковъ. Черезъ Еву создается жизнь духа среди людей.

Анфій слѣдилъ за лѣнной грядой далекихъ волнъ. Видѣлъ, какъ любовно шли онѣ къ берегу, какъ на желанію встрѣчу. Лиловыя горы еле рисовались въ далекой дымкѣ моря. Облака кучились и громоздились наверху, отливая и слоеной костью и янтаремъ. Теплый, влажный, душистый вѣтеръ обнималъ ихъ кругомъ, осторожно шевелилъ и ихъ волосы и складки ихъ длинныхъ одеждъ. И тихо покачивались, точно привѣтствовали его, кинарисы — темные въ золотистомъ воздухѣ, пропитанномъ лучами горячаго лѣтняго солнца.

Порою какіе-то неясные ароматы долетали до нихъ, и тогда говорилъ Маркъ:

— Знаешь, откуда это повѣяло? Видишь, вонъ тамъ, въ голубой туманной дали островъ? Это островъ Фанэ. Туда надо три часа плыть. Тамъ цѣлые луга душистыхъ цвѣтовъ. И возлѣ него другой островокъ — Гесперісъ. Весь онъ покрытъ фіалками и розами. Оттуда и ароматы.

— Ты бывалъ тамъ?

Маркъ сдвинулъ свои густыя брови.

— Нѣтъ, я тамъ не былъ. Тамъ быть намъ не надлежитъ.

— Почему?

— Потому что среди рощъ тамъ построенъ бѣломраморный храмъ. Не знаю кому посвященъ онъ — не то Діонису, не

то Діанѣ. Знаю, что тамъ вѣчно теплится на жертвенникѣ огонь, и дѣвы служатъ у алтаря. Знаю, что у нихъ служба идетъ на зарѣ, передъ восходомъ солнца, а въ розовомъ свѣтѣ первыхъ лучей поютъ онѣ гимны своему божеству и клубится дымъ отъ ихъ жертвъ въ честь языческой нечисти.

— И мы поемъ утрени, — напомнилъ Анфій.

— Да. Вотъ потому-то и не надлежитъ намъ быть тамъ. У насъ строгое, далекое отъ земныхъ страстей служеніе. А тамъ — музыка, тамъ цвѣты и дѣвы. — Тамъ вино, тамъ потаканіе мірскимъ страстямъ. Не надлежитъ намъ быть тамъ.

III.

Часто сидѣлъ Анфій на берегу одинъ и смотрѣлъ въ сіяющую даль. Иногда, на зарѣ, видѣлъ онъ отчетливо далекій-далекій Фанэ. И казалось ему, что оттуда клубится жертвенный дымъ, что

«...И пахло на него борухъ чѣмъ-то теплымъ, ароматнымъ, сладкимъ, чѣмъ-то издавна знакомымъ...».

звучить тамъ музыка, поютъ хоры, и дѣвы въ прозрачныхъ одеждахъ, сплетаясь въ хороводъ, танцуютъ плавно вокругъ алтаря, и благоуханіе отъ мастики разносится по всему острову.

Когда ночь спускалась и все окутывала вокругъ фіалетовою дымкой, ему казалось, что тамъ, гдѣ долженъ былъ стоять Фанэ, вспыхивали какіе-то зеленые и синіе огни. Точно у огромнаго свѣтляка зажигались глаза и пронизывали морской туманъ. Они то погасали, то загорались вновь. То дѣлались золотыми, то розовыми, то опять переходили въ зеленъ. И казалось ему, что наплывали оттуда какіе-то неясные, далекие звуки не то пѣнія, не то музыки. И его страстно тянуло въ эту туманную даль съ этого мѣднаго суроваго острова, гдѣ даже зеленая поросль тощихъ лужаекъ казалась щетиной, а луна, заливавшая его холоднымъ свѣтомъ, превращала кровавыя жилы

скать въ черныя высохшіе мускулы, прилипшіе къ скелету давно умершаго человѣка.

У Анфія была лодка. — Небольшая черная лодка. Онъ часто поднималъ на ней парусъ и уходилъ далеко въ море. Онъ занимался рыбной ловлей. Онъ привозилъ и себѣ, и своимъ сожителямъ рыбы. Золотыя, плоскія, онѣ широко открывали рты и пучили глаза, когда выбрасывалъ онъ ихъ изъ мокрой сѣти на прибрежный песокъ. Онъ сушилъ ихъ, пекъ и варилъ, предварительно разбивъ ихъ голову о порогъ хижины. Мелкихъ рыбокъ онъ давалъ жирному коту, что всегда на прибрежномъ камнѣ ждалъ его возвращенія съ ловли. И котъ ѣлъ живыхъ рыбокъ съ хвоста, бившихся, трепещущихъ, придерживая ихъ туловище лапой и сладко щурясь отъ наслажденія.

IV.

Почему пришелъ сюда Анфій, почему взялъ на себя подвигъ отшельничества, — никто не зналъ. Его сожитель по острову и не интересовался этимъ. Только Маркъ все повторялъ:

— Молодъ онъ, а потому несовершененъ.

Однажды только спросилъ Маркъ у Анфія:

— А кровью рукъ ты не пятналъ?

Тотъ посмогъ на него, на небо, и овелъ рукой по своей бородѣ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не пятналъ.

А потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Рыбъ вотъ много поѣмъ.

— Рыба тварь съ холодною кровью, — замѣтилъ Маркъ. — Потому надъ ней и

сотворено чудо. Э, рыба не то, что волъ, либо птица. Ее указано употреблять въ пищу.

— Все же тварь, — возразилъ Анфій. — Когда изъ воды ее вынешь, она жабрами такъ дышетъ жалостливо.

— У дельфина ноздри есть, — напомнилъ Маркъ. — Прыгаетъ онъ изъ волны въ волну и дышитъ... Всяко дыханіе благо... Это хорошо, что ты человѣческую жизнь не отнималъ. Въ человѣка вдунуто дыханіе отъ Творца.

— Жизни я не отнималъ, — медленно проговорилъ Анфій. — А вотъ зависть обуревала меня. Такъ я былъ завистливъ, такъ завистливъ. Всѣмъ завидовалъ. Богатымъ завидовалъ: «отчего въ виссонъ я не наряжаюсь, отчего винъ сладкихъ не пью отчего на восточныхъ тканяхъ не сплю?» Жену у кого увижу красивую, сейчасъ думаю: «почему я ее не онимаю, почему я не сплю на груди у нея?» Жеребца золотистаго увижу съ

черными ногами,—и так и потечет у меня по сердцу жалоба: «а отчего онъ не мой?»

— Да ты къмъ же былъ въ міръ-то?— спросилъ Маркъ.

— Къмъ былъ, того ужъ нѣтъ. Долго завистливыми глазами я глядѣлъ. И все говорилъ про себя: отчего у другихъ много, а у меня мало? А потомъ...

Онъ замолчалъ.

— А потомъ что?

— А потомъ... Вотъ я и пришелъ сюда.

— А зачѣмъ?

— Здѣсь мнѣ легче.

Больше ничего такъ и не сказалъ про себя Анфій. Онъ былъ доброжелателенъ и услужливъ. Никто не просилъ его заботиться о пищѣ,—онъ рыбу и сушилъ, и солилъ, и мочилъ, и въ огородахъ сажалъ овощи, и за фруктовыми деревьями ходилъ, и окапывалъ ихъ, и улья пчелиные завелъ, и куръ развелъ съ пѣтухомъ въ курятникѣ, и самъ веревочную сѣтку сплелъ, чтобъ ястреба курять не таскали.

V.

Анфій уѣзжалъ иногда на рыбную ловлю сутокъ на двое. Особенно любилъ одну заводъ сосѣдняго островка, гдѣ рыба плескалась въ мелкой рѣдѣ. Тамъ проводилъ онъ много часовъ въ одиночествѣ, лежа на днѣ лодки и слушая изрѣдка, какъ плещется рыба, наблюдая, какъ звѣзды зажигаются въ вышинѣ, какъ синѣтъ, темнѣтъ, чернѣтъ густая глубь неба и лампы его огней горятъ, какъ очи ангеловъ надъ грѣшной землей.

Разъ лежалъ онъ такъ въ лодкѣ, и вдругъ докатился слабый, но явственной волной отзвукъ далекаго-далекаго пѣнія. Онъ привсталъ, прислушался... И такъ смутно, смутно доносилось до него:

— Эвоэ!.. Эвоэ!.. Эвоэ!..

Онъ сѣлъ въ лодкѣ. И пахнуло на него вдругъ чѣмъ-то теплымъ, ароматнымъ, сладкимъ, чѣмъ-то издавна знакомымъ. Въ этомъ запахѣ было что-то, что напоминало радугу въ водяныхъ брызгахъ. Какой-то невѣдомый, неземной странный міръ, такой далекій отъ земного....

«Эвоэ, эвоэ!» Трепещущая музыкальная волна плавно катилась надъ моремъ и была вся полна этимъ ароматомъ... Или аромат былъ полонъ этими далекими звуками, этими струнами арфы, трелями цѣвницы?

Онъ сѣлъ въ лодкѣ, не торопясь сталъ опускать весла въ спокойную гладь залива. Тихо выскользнула она на морской просторъ. Онъ слышалъ, какъ булькала и говорила влага у носа лодки. Онъ сталъ грести широкими, привычными взмахами, и челнъ птицъ понесся по таинственному, спокойному морскому простору.

Вдали мерцалъ какой-то огонекъ,—точно маякъ для мореплавателя.

«...Млѣдный островъ все опускался въ море, точно тонулъ. Онъ дѣлался меньше, колыбался, порою казался призракомъ, что можетъ разлѣтѣться отъ слабого прикосновенія жизни...».

Музыка то замолкала, то начинала снова свою страстную огненную пѣсню. И какая-то боль пробѣгала по его груди, и такъ больно-больно сжималось его сердце.

Млѣдный островъ все опускался въ море, точно тонулъ. Онъ дѣлался меньше, колыбался, порою казался призракомъ, что можетъ разлѣтѣться отъ слабого прикосновенія жизни. Ни одного огонька не теплилось нигдѣ. И Маркъ, и Севиръ уже спали. А впрочемъ, Севиръ, можетъ, еще молился. Онъ уставился своими оловянными глазами на распятіе и лепечетъ:

— Боже, помилуй мя, помилуй, помилуй!

Иногда Анфій поворачивалъ свою голову впередъ. Желтый огонекъ росъ, дѣлался шире, виднѣе. И Фанъ начиналъ уже расти и его кудрявыя рощи темными пятнами стали подниматься изъ воды. И музыка стала слышнѣе и хоры, и пѣніе... Какія-то странныя греческія слова, вѣе незнакомыя Анфію. Или знакомыя? Точно зналъ онъ ихъ давно-давно когда-то. Точно что-то родное, далекое забытое, отзывалось въ нихъ. А потомъ напѣвъ этотъ? Отчего щемить такъ сердце, отчего такъ и больно, и отрадно. И слезы текутъ по щекамъ?

Потянуло вѣтромъ и вдругъ ароматы и звуки закружились вокругъ него въ какой-то неистовой пляскѣ, что-то блеснуло, ослѣпило и громъ загрозилъ такимъ страшнымъ неожиданнымъ ревомъ, точно адъ разинулъ свою пасть и крикнулъ на всю вселенную:

— Quos ego!

VI.

Налетѣлъ ураганъ, запылъ, закружилъ, засвистѣлъ, заревѣлъ. Волны грозно поднялись ему навстрѣчу, зарево огня саяло тухнуть, звѣзды сразу заволоклись пеленою. И челнокъ вдругъ стало кидать въ стороны, и онъ то опускался внизъ, куда-то на самое дно черной, зловщей волны, то вздымался на ея гребень, и бокомъ скользилъ чрезъ него. А громъ грохоталъ, точно небо раздиралось на куски, точно лопнула кожа у огромнаго барабана, косою дождь лилъ справа и, когда молнія сверкала, казалось, что золотыя струны были натянуты между водою и небомъ. И Анфій перемѣстил на корму и, схвативъ весло, погрузилъ его въ воду и старался, чтобъ челнокъ такъ не кружился. Но волны все выше, все грознѣе вставали вокругъ, все смѣлѣе перекачивались чрезъ утлое суденышко...

И оно перевернулось. И Анфій почувствовалъ себя въ водѣ. Онъ былъ хорошій пловецъ. Онъ схватился за перевернутый челнъ и крѣпко держался за него. А громъ грохоталъ и волны гнали его впередъ и впередъ, и онъ все плылъ, и все старался не утомлять себя. Вода была теплая, но соленая, горькая, и онъ чувствовалъ эту горечь и въ носу, и въ горлѣ, и невольно глоталъ эту воду и выплевывалъ ее...

И такъ долго—ему казалось, что долго,—онъ плавалъ и носился то туда,

то сюда. И онъ чувствовалъ, какъ му-
скулы его слабѣютъ, и неясная мысль
все кружилась въ его головѣ:

— Я приблизился къ нечистому языче-
скому празднеству, за это и наказанъ.
Въ дьявольскомъ я кругѣ...

И вдругъ, высунувшись изъ воды и
держась за выпуклое дно челна, онъ уви-
дѣлъ черныя куны деревьевъ и крикнулъ:

— О, Панъ,
о Изиды, —
помогите
смертному
достигнуть
вашей свя-
щенной зем-
ли, не дайте
ему погиб-
нуть! О, ве-
ликіе боги!

VII.

Его выки-
нуло на бе-
регъ. На
мягкій бѣ-
лый песокъ.
Истомлен-
ный, избит-
ый лежалъ
онъ недви-
жно и смо-
трѣлъ на
проступав-
шія звѣзды.
Вокругъ бы-
ло тихо, му-
зыки не бы-
ло. Арома-
товъ бы-
лыхъ не бы-
ло тоже. Но
было тепло
попрежнему.
Мокрая о-
дежда липла
къ нему, но онъ
не могъ ше-
велинуться.
Онъ лежалъ
въ сладкомъ
покоѣ, въ
сладкомъ за-
бытіи. Это
забытіе пе-
решло въ не-
бытіе. Жи-
вительный
сонъ объялъ
его, и онъ
заснулъ глу-
боко, спо-
койно, хри-
стіанинъ на
языческой
землѣ...

Онъ проснулся, когда востокъ былъ
весь уже въ огнѣ и розовыя пуховыя
тучки плыли подъ перламутровой гладью
соннаго моря. Весь островъ былъ розо-
вый. Каждый кустъ грезилъ въ золо-
тистой дремотѣ. Омытый вечеръ ей бурей
оливковый лѣсъ сіялъ своей сѣро-пепель-
ною листвою. Ручей, вздутый ливнемъ,
шумливо рокоталъ подъ древесными

корнями и, придавивъ камней, торо-
пился къ берегу, чтобы разлиться, уни-
чтожиться, стать ничѣмъ въ этомъ
огромномъ водномъ просторѣ. И челнъ
лежалъ тутъ-же, на боку, безъ веселъ, —
какъ печальный слѣдъ былого.

Анфій поднялся. Одежда его высохла.
Онъ вымылъ слипшіеся отъ морской
воды волосы и бороду въ ручьѣ и по-

такъ сочно, весело, такъ напоминаетъ
молодую разбѣженную дѣвушку. Такъ
рѣво бѣгутъ дорожки подъ прозрачнымъ
сводомъ листвы. Такъ доверчиво рас-
крываются вѣнички цвѣтовъ и курятся
благоуханіемъ. Такъ оживленно поютъ
птицы, — точно цѣлымъ хоромъ славятъ
Діониса... А, можетъ, не Діониса, не
Пана, а Творца Вселенной!..

И Анфій
идетъ все
дальше. И
роща смѣ-
няется по-
ляной, по
которой
бродятъ ко-
зы, бѣлѣ-
ютъ мра-
морныя ва-
зы, все уви-
тыя цвѣ-
тами. Поля-
на опять
смѣняется
рощей. Кри-
выя пинии,
темныя ки-
парисы, бѣ-
лыя акации,
оливы и
мирты...

VIII.

И вдругъ,
на поворо-
тѣ, онъ уви-
дѣлъ дѣвуш-
ку. Она бы-
ла почти го-
лая. Платье
небрежно
было наки-
нуто на пле-
чи и еле дер-
жалось на
застѣжкѣ,
на одномъ
плечѣ. Бѣ-
локурыя во-
лосы были
схвачены
обручемъ.
Глаза смо-
трѣли про-
сто и при-
вѣтливо.
Она точно
удивилась
привидѣчу-
жого муж-
чины, но
не прикры-
лась, не
вспыхнула,
не крикну-

«...Она подала ему лепешку и принесла кружку съ козьимъ молокомъ...».

шелъ черезъ цвѣточную поляну къ
рощѣ, что стояла какъ завороченная
въ опаловомъ и рождавшемся свѣтѣ дня.

Какая рапица была здѣсь, на Фанѣ,
на островѣ любви, съ тѣмъ, что оста-
лось тамъ на Мѣдномъ островѣ. Тамъ
былъ сухой скелетъ, спаленный жгу-
чимъ солнцемъ, вывѣтранный тысяче-
лѣтнимъ дыханьемъ моря. А здѣсь все

ла, только замедлила свой шагъ.

Онъ остановился.

— Это островъ Фанэ? — спросилъ
онъ.

— Фанэ, — отвѣтила она.

— Меня выбросило сюда море во
время вчерашней бури, — сказалъ онъ. —
Я живу на сосѣднемъ островѣ.

— Ты монахъ? — спросила она.

Онъ точно зачнулся.—Да, я монахъ,—отвѣтилъ онъ.—Нелзя-ли достать веселья,—у меня унесло ихъ волнами,—я бы поѣхалъ домой.

— Ты хочешь ѣсть?—спросила она вмѣсто отвѣта.

— Хочу.

— Пойдемъ.

Она повернулась и вывела его на лужайку.

— Здѣсь мои козы,—сказала она.— А здѣсь мой шалашъ.— Она показала на маленькій паметъ изъ вѣтвей.— Сядь здѣсь.

Онъ сѣлъ. Она подала ему лепешку и принесла кружку съ козьимъ молокомъ.

— Ышь—сказала она и легла ничкомъ на траву у его ногъ. Она подняла голову и смотрѣла на него снизу. Онъ видѣлъ ея глаза, ея золотистые волосы, ея молодыя упругія груди, ея круглыя плечи, ея опаленную солнцемъ, но все-таки нѣжную спину.

— Ты монахъ?—повторила она.— Ну, Ышь, если ты голоденъ.

IX.

Онъ началъ пить молоко и ѣсть лепешку. Она смотрѣла на него и вдругъ засмѣялась.

— Монахъ, а ѣсть, какъ всѣ люди,—сказала она.

— А ты язычница?—спросилъ онъ. Она не поняла вопроса и переспросила его.

— Я пасу козъ,—объяснила она. Вчера у насъ былъ праздникъ. Мы танцевали и пили вино. Было много гостей съ того берега. Они уѣхали—наши вчерашніе гости,—сегодня на зарѣ. И всѣ наши теперь спать.

— Отчего же ты не спишь?

— Я не могу спать, потому что должна пасти козъ и доить ихъ.

Она посмотрѣла внимательно на его лицо.

— А ты красивый,—сказала она.— Ты монахъ, а красивый.

Онъ протянулъ руку и погладилъ ее по вьющимся золотымъ волосамъ.

— Кто твой богъ?—спросилъ онъ.— Кому ты молишься?

— У насъ храмъ Діониса,—отвѣтила она.

— И ты ходишь въ храмъ?

— Рѣдко.

— Ты вѣришь въ другихъ боговъ? Любишь ихъ?

— Я люблю Артемиду. У насъ есть ея статуя въ маленькой капличкѣ на мыску. Она такая добрая, такъ привѣтливо улыбается.

— А Пана ты любишь?

— Пана? У насъ нѣтъ изображенія Пана. У насъ есть Зевесъ, Арей,—но нѣтъ Пана... Я туда рѣдко хожу—въ храмъ. Здѣсь лучше. Здѣсь козы, небо, деревья, цвѣты. Ко мнѣ ходятъ подружки...

— И юноши? И цѣлуютъ тебя?

— Да юноши. И цѣлуютъ меня...

— А вчера, что вы пѣли?

— Мы пѣли гимны Діонису.—

Эвоз! Діонисъ безсмертный,

Царь земли!

Эвоз! Эвоз!

Ты царь земли...

У нея голосъ былъ чистый, низкій. Она, когда пѣла, приподнялась и не обращала вниманія на то, что ея платье совсѣмъ скатилось съ плечъ.— Онъ взялъ ее за руку.

— А не будутъ бранить тебя за то, что ты дала хлѣба и молока христіанскому монаху?—спросилъ онъ.

Она широко раскрыла глаза.

— Вѣдь ты хотѣлъ ѣсть?—отвѣтила она.

X.

— Ты язычница?—говорилъ онъ, держа ея голову руками.— Какой демонъ вселился въ тебя, чтобъ соблазнить меня?

— Демонъ весны,—засмѣялась она.— Теперь весна. Все веселится въ природѣ. Посмотри на птицъ,—какъ щебечутъ онѣ, какъ летаютъ парами? Посмотри на козъ, посмотри на бабочекъ...

Она казалась ему живой природой, возникшей изъ самаго лона цвѣтовъ, рошъ и ручьевъ, что сверкали вокругъ нихъ. И тотъ обѣтъ, что давалъ онъ самъ себѣ о подавленіи всего живого, мірскаго, тѣлеснаго, казался ему такимъ безумьемъ, такимъ старымъ, завядшимъ пережиткомъ...

— Паденье или воскресенье?—спросилъ онъ вслухъ.

Она слѣдила за муравьемъ, что ползъ по травѣ, и бросила поперекъ его дороги травинку. Онъ остановился, понюхавъ ее, дѣловито перелѣзъ и пошелъ своей дорогой дальше.

— Весь островъ спать! — повторила она.

* * *

Солнце поднялось уже надъ горизонтомъ, когда она принесла ему два весла. Она помогла ему сдвинуть челнокъ въ воду и сказала ему:

— Когда пріѣдешь къ себѣ—сожги весла, чтобъ никто не узналъ, что они отсюда.

Она бросила ему въ лодку два цвѣтка и крикнула:

— А это тебѣ, на память!

Онъ сильными руками налегалъ на весла. Она стояла на берегу и смотрѣла ему вслѣдъ.

— Прощай!—чуть слышно донесся ея голосъ.

Вѣтеръ шевелилъ ея волосы и туннику. Она все стояла облитая солнцемъ и смотрѣла ему вслѣдъ.

— Эвоз! Діонисъ безсмертный! — запѣлъ онъ, — и все сильнѣе и сильнѣе налегалъ на весла.

Онъ хотѣлъ до полудня воротиться домой. И пока онъ видѣлъ—язычница все золотой точкой виднѣлась на далекомъ берегу острова Фанъ.

П. Гнѣдичъ.

Горестныя были.

Горестныя были,
Грустные цвѣты.
Люди разлюбили
Лики красоты.

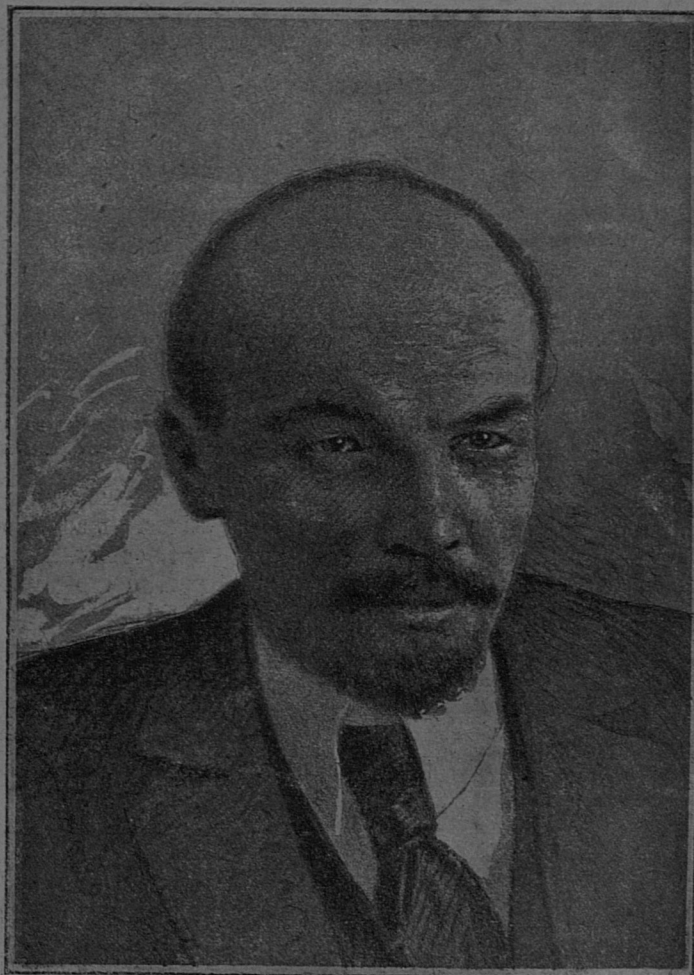
Люди разлюбили
Солнце и цвѣты,
Люди позабыли
Солнечность мечты.

Въ сутолокѣ, въ гамѣ,
Въ морѣ суеты
Грязными ногами
Смяты всѣ цвѣты.

Нѣтъ волшебной сказки,
Пѣсенъ-чаровницъ,
Нѣтъ сердечной ласки,
Въ жизни—рядъ гробницъ.

То, что намъ свѣтило,
Грѣло много лѣтъ,
То, увы! все было,
Было и—уже нѣтъ!

В. Власовъ-Окскій.

Предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ россійской социалистической федеративной республики совѣтовъ

В. Ульяновъ (Н. Ленинъ).

По послѣдней фотографіи Предсѣдателя Совнаркома.

Гельсингфорсъ „подъ нѣмцемъ“.

(Отъ нашего корреспондента).

По фотографіямъ корреспондентовъ „Огонька“ Л. В. и Г. ЮМАТОВА.

В. генералъ русской службы Маннергеймъ, командовавшій бѣлогвардейскими силами въ Финляндіи.

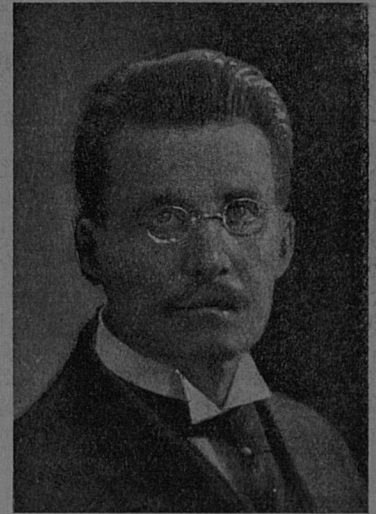
Четыре года провелъ я на войнѣ, въ томъ числѣ два года на варшавскомъ фронтѣ, видѣлъ многое и многое. Думалъ, что уже перегруженъ впечатлѣніями на всю жизнь. Но оказалось, что впереди, въ томъ «тихомъ тылу», куда для отдыха не ревели уставшихъ и, какъ я, контуженныхъ на фронтѣ, въ благословенной Финляндіи меня ждали еще болѣе яркія и

еще болѣе тяжелыя въ то же время впечатлѣнія.

Никогда не забыть мнѣ весны 1918 г. въ Гельсингфорсѣ.

Въ русской печати много разъ уже описывали, какъ живутъ тѣ или другія русскія области «подъ нѣмцемъ», и съ этой стороны мои впечатлѣнія русскаго въ Гельсингфорсѣ не представляли бы особеннаго интереса. Но дѣло въ томъ исключительномъ своеобразіи, въ той двойственности и сложности положенія, какая имѣется именно въ Финляндіи. Еще вчера только окраина, русская область, сегодня независимая страна, въ которой, тѣмъ не менѣе, продолжали находиться русское войско и флотъ, Финляндія и, въ частности, Гельсингфорсъ воспріяли германское крещеніе, какъ нѣчто очень сложное. Политика, какъ и стратегія, распили здѣсь поистинѣ необыкновенные узоры.

Пришли нѣмцы въ столицу Финляндіи, конечно, строго по расписанію: ровно въ 12 часовъ 12 апрѣля, какъ объ этомъ еще за пять дней мы были предупреждены прокламаціями съ нѣмецкихъ

Проф. І. Миккола, представитель финляндскаго правительства при графѣ фонъ-деръ-Гольцѣ.

Профессоръ гельсингфорскаго университета по кафедрѣ славянскихъ литературъ. Получилъ недавно отъ Вильгельма Желѣзный Крестъ 2 степени. Проф. Миккола является нынѣ самымъ вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ Финляндіи и стоитъ во главѣ партій, враждебно настроенныхъ по отношенію къ русскимъ.

Ген. графъ фонъ-деръ-Гольцъ, начальникъ германскаго экспедиціоннаго корпуса въ Финляндіи.

дили всячески, но тамъ, гдѣ предполагалось «красное гнѣздо», начиналась необычайно методичная бомбардировка, размѣренная, пунктуальная.

Обстрѣлъ производился, съ каждымъ днемъ затихая, цѣлыхъ два дня, хотя дѣло красныхъ окончательно погибло уже 12-го вечеромъ. 14 апрѣля состоялся на Сенатской площади парадъ нѣмецкимъ и бѣлогвардейскимъ войскамъ; парадъ этотъ не удалось довести до конца: въ проходившіе на площадь ряды изъ двухъ домовъ внезапно затрещали пулеметы. Конечно, дома эти подвергли жестокому обстрѣлу, и захваченные тамъ были на мѣстѣ разстрѣляны.

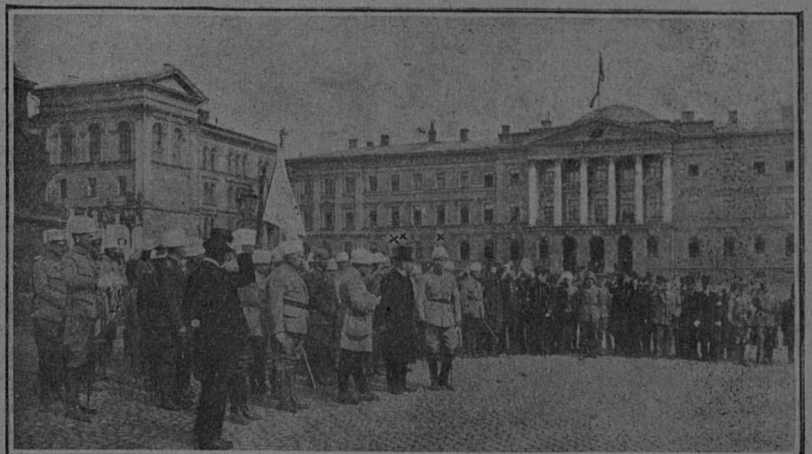
Официально «новая эра» въ исторіи Гельсингфорса началась съ того момента, когда надъ вокзаломъ столицы взвился черно-красно-бѣлый германскій флагъ. Финляндія вступила «въ сферу нѣмец-

аэроплановъ, германскіе корабли показались въ виду Свеаборга. Въ то же самое время съ суши, со стороны пригорода Теле, показались первые шелоны германской пѣхоты и финской бѣлой гвардіи. Началось систематическое, планомерное обстрѣливаніе города. Конечно, дома и вообще столицу ща-

Полковникъ шведской службы В. Теслѣфъ,

военный начальникъ Гельсингфорса и командантъ б. русской крѣпости Свеаборгъ, нынѣ финляндской «Суоменлина».

Парадъ 16 мая.—Выдача знаменъ Карельскому драгунскому и Вазаскому полкамъ на Сенатской площади у памятника Александра II.

Приказомъ ген. Маннергейма эти полки зачислены въ гвардію финляндскихъ войскъ. Присутствуютъ ген. Маннергеймъ (X) и нынѣшній глава Финляндіи Свинхувудъ (XX).

Послѣ взятія «Смольнаго». — Побѣдители и поверженный къ ногамъ разорванный красный флагъ.

каго вліянія», — какъ мягко говорили одни, превратилась въ нѣмецкую колонию, какъ утверждали другіе. Событія очень скоро показали, что правы были вторые: отъ независимой Финляндіи больше нѣтъ и слѣда.

Изъ драматическихъ эпизодовъ первыхъ дней «подъ нѣмцемъ», густо окрашенныхъ кровью, наиболѣе яркими были: взятіе «Смольнаго» — такъ въ Гельсингфорсѣ, со временъ красныхъ, называли домъ бывшаго генералъ-губернатора, затѣмъ обстрѣлъ русской гауптвахты, Рабочаго дома въ Сернесѣ, русскихъ Абоскихъ казармъ, огромной табачной фабрики на Константиновской и дома Стандершельда на Салютorgetъ.

Наконецъ, единственный за эти дни свѣтлый эпизодъ — освобожденіе заключенныхъ въ лицѣ, превращенномъ въ тюрьму.

Жизнь въ Гельсингфорсѣ вообще сосредоточивается на Салютorgetъ, продолженіи эспланады, и къ моменту подхода къ площади трехъ германскихъ военныхъ кораблей, съ которыхъ немедленно же началась стрѣльба, собрались на всѣхъ прилегающихъ улицахъ толпы народа.

Дома Стандершельда, гауптвахты и табачной фабрики Окстрема — все это, какъ было извѣстно, важныя «красныя гнѣзда» и районные штабы красныхъ; всѣ три выходятъ на эту площадь. Началось методическое обстрѣливаніе. Германскіе матросы и солдаты и финскіе егеря, окруживъ цѣлью площадь, отгѣснили толпу. По сигналу съ берега, заговорили орудія. «Заговорили» въ строгомъ порядкѣ: стѣны бомбардируемыхъ зданій разрушались послѣдовательно, по квадратамъ, по четвертямъ аршина. Съ каждымъ уханьемъ трехдюймовки толпа тоже испускала вздохъ — не то ужаса, не то облегченія...

Я говорю «облегченія» потому, что длякаждаго объективнаго наблюдателя, — а таковымъ надлежало быть, въ финляндскихъ дѣлахъ, всякому русскому, — было ясно, что у красныхъ рѣшительно не было почвы въ Гельсингфорсѣ. Даже здѣсь, въ столицѣ съ развитой рабо-

Пріѣздъ главнокомандующаго германскими войсками въ Финляндіи графа фонъ-деръ-Гольца въ Гельсингфорсъ. — Графъ фонъ-деръ-Гольцъ (X) и Свинхувудъ (XX).

тренней слабости рабочихъ вліяній въ столицѣ. Но это — между прочимъ. Возвращаясь къ описанію картины на Салютorgetъ.

На эспланадѣ, недалеко отъ площади, красные долго и упорно от-

стояли, по германскіе пулеметы заставили ихъ сдаться. И вотъ группа новыхъ братьевъ по оружію, нѣмецкіе солдаты и финскіе егеря, стоитъ у завоевавшаго «Смольнаго» — тамъ помѣщался главный штабъ красныхъ, — и оказалось, у ихъ ногъ вмѣстѣ съ отдыхающими отъ тяжелыхъ трудовъ пулеметами лежить поверженный красный флагъ...

Въ то же время разрушеніе другихъ цитаделей «красныхъ» на площади идетъ своимъ чередомъ. Особые бѣло-нѣмецкіе отряды разсыпались по расположенной въ сосѣдствѣ Сенатской площади и соединяющимъ ту и другую площадь маленькимъ переулочкамъ. Выбиваютъ изъ отдѣльныхъ домовъ засѣвшихъ тамъ и отстрѣливающихъ защитниковъ. Вотъ уже выбиты послѣднія красныя группы изъ русской гауптвахты и надъ нею взвился германскій флагъ.

Самыя тяжкія разрушенія постигли табачную фабрику Окстрема, гдѣ былъ обнаруженъ тайный складъ оружія. Въ домѣ напротивъ, говоритъ, хранился громадный запасъ взрывчатыхъ веществъ, и боялись изъ-за бомбардировки за судьбу всего квартала. Въ этомъ кварталѣ Константиновской улицы живетъ между прочимъ очень много русскихъ; нѣкоторые дома почти сплошь ими населены. Всѣмъ имъ пришлось почти цѣлыя сутки провести въ подвалахъ, спасаясь отъ орудійнаго и пулеметнаго огня. Стекла въ рядѣ домовъ были выбиты и кварталъ принялъ весьма жалкій видъ. Почти до самаго вечера на Торговой площади, какъ замороженная, стоитъ толпа. Въ средней части площади, занятой войсками, подводится послѣдній въ сущности итогъ борьбы: изъ разныхъ переулковъ и улицъ, выходящихъ на площадь, десятками и сотнями бѣгутъ съ поднятыми вверхъ руками побѣжденные.

Они бѣгутъ, и это представляеть необыкновенно жалкое, волнующее зрѣлище. Одежда треплется по вѣтру, руки какъ-то нелѣпо торчатъ надъ толпой... Сквозь строй нѣмецкихъ вахмистровъ пробѣгаютъ въ центръ площади. Тутъ ихъ перехватываютъ новые вахмистры и обыскиваютъ. Они

Ген. Маннергеймъ читаетъ привѣтствіе сенату на Сенатской площади.

дѣлають это съ быстротой и ловкостью людей, очевидно, имѣющихъ въ этомъ дѣлѣ большой опытъ... Потомъ, и еще болѣе привычнымъ жестомъ сдирають

зданіе и большіе запасы и документы, въ немъ находящіеся, обречены на гибель. Дѣйствительно, въ огнѣ погибли совершенно незамѣнимые отчеты, денежныя суммы, кассовыя книги и пр. Кроме того, погибло цѣлыхъ 10.000 пудовъ превосходной крупчатки и 6 000 большихъ ящиковъ съ мясными консервами. То и другое принадлежало продовольственному складу

вершена руками взятыхъ въ плѣнъ красныхъ.

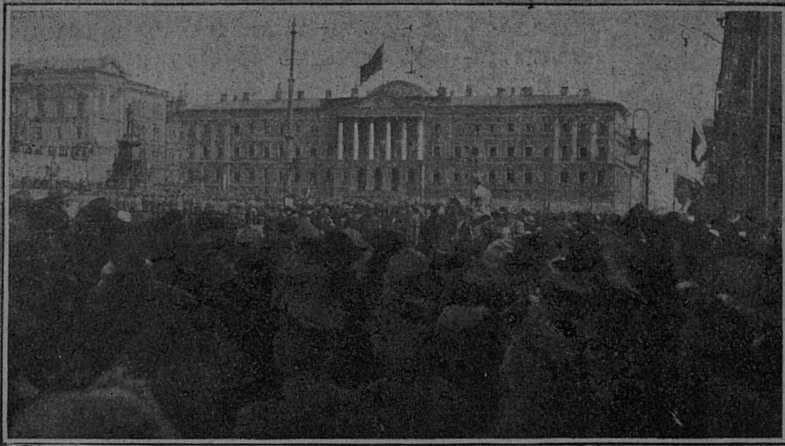
Я выше упомянулъ объ единственномъ въ эти кровавые дни свѣтломъ эпизодѣ возлѣ лицей, это было дѣйствительно трогательно.

Еще за мѣсяцъ до описываемыхъ событий, въ Черкслетѣ, недалеко отъ Гельсингфорса, красными взято было около 750 плѣнныхъ бѣлыхъ, всѣ они были привезены въ столицу и посажены въ лицей, на Елизаветинской улицѣ. Когда пришли нѣмцы, эти плѣнники находились подъ конвоемъ не болѣе какъ 5 красныхъ. Нѣмцы и бѣлые не рѣшались обстрѣливать лицей, такъ какъ было извѣстно, что у полусотни конвойныхъ красныхъ имѣется съ собой запасъ динамита и, видя себя въ безвыходномъ положеніи, конвой могъ взорвать весь домъ вмѣстѣ съ плѣнниками. Не желая рисковать жизнью бѣлыхъ, побѣдители предпочли выждать, пока пятьдесятъ красныхъ сами сдадутся. Дѣйствительно, 14 днемъ они выкинули бѣлый флагъ. И вотъ вышли на волю просидѣвшіе мѣсяцъ въ тюрьмѣ семьсотъ слишкомъ жертвъ гражданской войны.

На троттуарахъ узенькой улицы шпалерами стояла радостно взволнованная толпа. Какъ ни молчаливы, какъ ни малоподвижны обычно финны, даже здѣсь раздавались громкіе возгласы, освобожденнымъ бросали подъ ноги цвѣты, хвойныя вѣтки.

Было очень любопытно присмотрѣться къ социальному составу этихъ 750 «буржуевъ», которыхъ томили въ тюрьмѣ безъ прогулокъ, которыхъ очень скверно кормили и, главное, считали «врагами народа». Въ огромномъ большинствѣ это были самый подлинный народъ, —

мужики, рабочіе, деревенскія женщины. Психудалые, съ истощенными отъ голода и сидѣнія взаперти лицами, они блѣдной и грустной улыбкой отвѣчали на восторженные клики и привѣтствія толпы.

Парадъ 16 мая.—Сенатская площадь. Награжденіе отличившихся солдатъ крестомъ «Свободы Финляндіи».

съ рукава плѣнника символическую красную повязку...

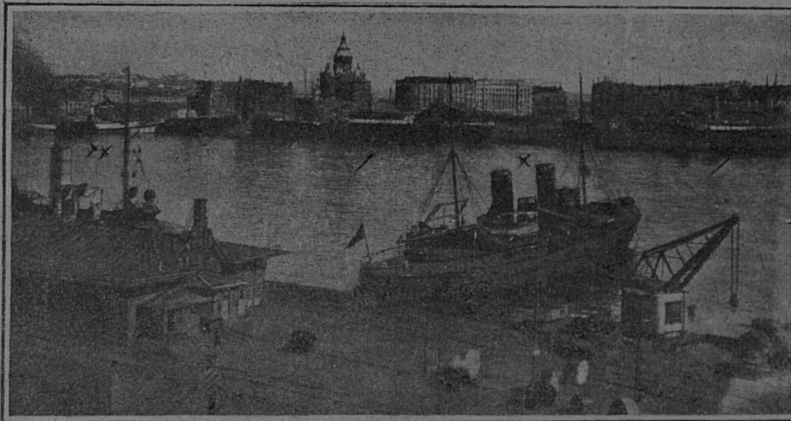
Кроваво-алой грудой лежатъ эти побѣжденные, униженные красныя повязки по разнымъ угламъ обширной площади... Потомъ самихъ же красныхъ, съ этой минуты ставшихъ даже не плѣнными, а почти рабами, чѣмъ-то близкимъ къ каторжникамъ, гонять чистить площадь отъ того мусора, въ которомъ похоронены всѣ ихъ надежды, все будущее...

Обысканные и выпотрошенные, поставленные въ затылокъ, новые плѣнники тутъ же, во время боя, гонятся, точно стадо гусей, къ берегу и оттуда на германскій транспортъ, предусмотрительно стоящій у самой пристани...

Мѣстный, для одной только южной Финляндіи, штабъ красныхъ находился въ такъ называемомъ «Рабочемъ домѣ», большомъ и красивомъ зданіи для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей въ рабочемъ предмѣстьѣ Сернесѣ. Наболѣе жестоко обстрѣливался этотъ домъ съ стройной, видной по всему Гельсингфорсу башней. Отъ обстрѣла начался пожаръ, продолжавшійся цѣлую ночь съ 13 на 14 апрѣля. Наконецъ, башня, а за ней и весь домъ рухнулъ...

Но всего ужаснѣе было то, что произошло съ Абоскими (русскими) казармами на Генриховской улицѣ. Казармы эти были заняты различными отдѣлами артиллерійскаго управленія Свеаборгской крѣпости. Съ финскими красными казармы не имѣли ничего общаго, но дѣло въ томъ, что, спасаясь отъ нѣмцевъ, значительный красногвардейскій финскій отрядъ занялъ дворъ казармъ и, кажется, одинъ флигель. И вотъ, чтобы выбить ихъ оттуда, нѣмцы открыли самую безпощадную стрѣльбу. Скоро стало ясно, что все огромное

служашихъ Свеаборгской крѣпости; когда служащіе своевременно пытались все оттуда вывести, имъ это было запрещено.

Ледоколъ «Валъ-цъ» (X) (бывшій «Царь Михаилъ Федоровичъ») въ Сандвикской гавани въ Гельсингфорсѣ. Нѣмецкій броненосецъ береговой обороны «Беовулфъ» (X X).

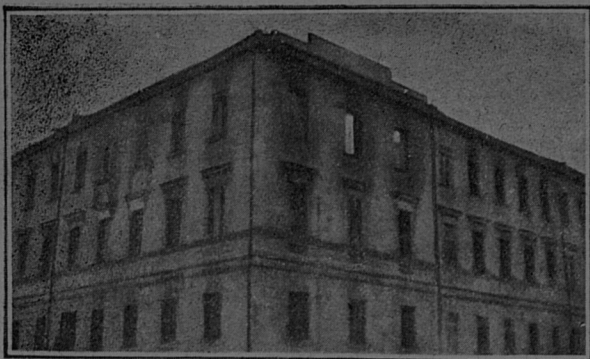
Пожаръ очень долго не могъ одолѣть эту громаду: огонь вспыхивалъ еще на другой день къ вечеру. Наконецъ, отъ всего зданія осталась только груда развалинъ: зияющія насквозь видныя остатки стѣнъ и крыши...

Баррикада изъ лодокъ на Петроградскомъ мосту. Послѣ ея занятія нѣмцами мостъ и площадь и редъ нимъ были буквально устланы трупами красныхъ.

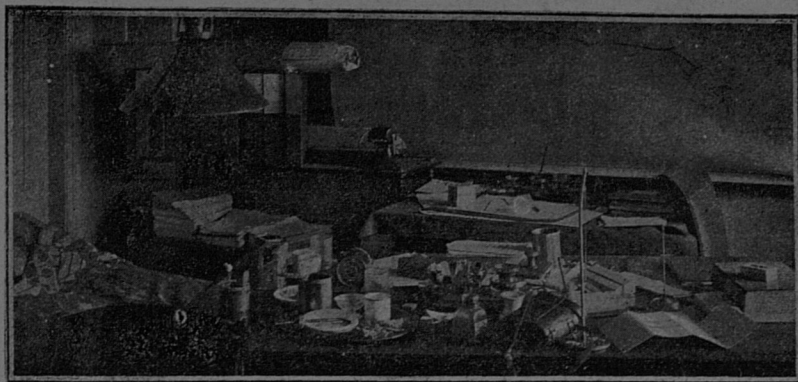
Чтобы уничтожить самое воспоминаніе, финляндскій сенатъ постановилъ снести послѣдніе остатки и развалины дома; работа эта будетъ со-

Таковы были первые шаги новой исторіи Финляндіи... Нѣкоторые моменты событий 12—14 апрѣля зафиксированы на помѣщаемыхъ нами снимкахъ.

Видъ Абоскихъ казармъ послѣ пожара.

Въ этихъ казармахъ застѣли красные, нѣкоторые съ семьями. Послѣ отказа сдаться, казармы были зажжены нѣмцами. Выскакивавшіе красные разстрѣливались. Среди убитыхъ красныхъ насчитывается до 300 женщинъ и дѣтей.

Кабинетъ полковника Свѣшниковъ, начальника штаба красной арміи.

Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ и выведенъ для разстрѣла.

КАРНАВАЛЪ.

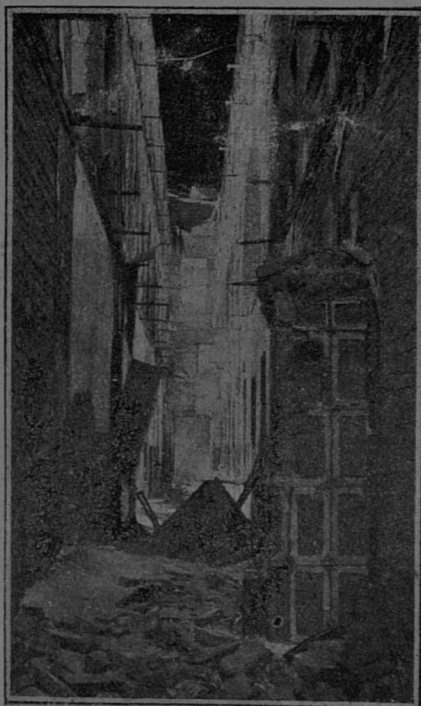
Разсказъ А. С. ГРИНА.

I.

Безоблачный жаркій день достигъ силы короткихъ тѣней, болѣзненной зрѣнію бѣлизны стѣнъ и полного воздушнаго оцѣпенія, стѣсняющаго разгоряченное дыханіе. Бѣлые, красные и голубые зонтики утомленно порхали надъ толпой извилистыхъ улицъ маленькаго городка Италіи, — Санъ-Амико, празднующаго хороводную недѣлю веселаго карнавала, установленнаго для этого городка съ незапамятныхъ временъ нѣкимъ историческимъ событіемъ, сущность котораго давно перешла въ легенду, обтрепалась и напоминала собой одно изъ тѣхъ выцвѣтшихъ, убогихъ знаменъ, сложенныхъ въ передней музея, безсильныхъ оживить своей истасканностью память любопытнаго современника, относительно присущихъ имъ сраженій или подвиговъ.

Расположеніе улицъ Санъ-Амико напоминало колесо, лишенное обода. Ступицами были улицы, идущія отъ центра — оси — къ предметіямъ. Въ протекающемъ полуденномъ часѣ по каждой изъ этихъ улицъ, къ оси колеса, — небольшой, но величественной, благодаря высотѣ окружающихъ ее старинныхъ зданій, площади, — двигались вереницы феерическихъ экипажей, покрывая грохотомъ колесъ забавный стоупъ толпы, разряженной въ костюмы всѣхъ временъ и народовъ, даже такихъ, какіе могутъ населять только страны вообіженія. Самыя диковинныя фигуры господствовали среди повозокъ и высокихъ платформъ, производя впечатлѣніе, какъ если бы войско чудовищъ вступало, послѣ нелѣпаго, заоблачнаго сраженія, въ покоренную область. Тамъ высился людоѣдъ, беретъ котораго плылъ наравнѣ съ балконами третьихъ этажей, а въ его пасти, среди картонныхъ зубовъ, плясали толстопузые мальчишки; здѣсь — треща крылья-

ми, проталкивался драконъ, пестрый, какъ бабочка, и страшный, какъ адъ въ мысли натуралиста; тамъ вели кита; здѣсь — слонъ, съ подвыпившими, въ фигурной башнѣ, остеклятыми

Внутренній корридоръ въ Абоскихъ казармахъ послѣ сдачи.

шалопаемыми, трубилъ скрытымъ тромбономъ; далѣе — рядъ страшныхъ головъ, на общемъ туловищѣ, покачивался

съ ужасной выразительностью неодоушленныхъ фигуръ. Другія процессіи составлялись изъ костюмированныхъ группъ, пирующихъ среди возвышеній, убранныхъ атрибутами ихъ идеи. Вакханки изъ фабричныхъ кварталовъ, сверкая неподдѣльно пышными икрами, плясали вокругъ Вакха, плавающего въ котловыхъ джунгляхъ серпантина. Рой обезьянъ, съ бѣлыми носами среди коричневыхъ мордъ, визжалъ и скакалъ въ клѣткѣ, бесполезно укрощаемый сверху ударами турецкаго барабана. Какіе-то супостаты, въ полумонашескихъ, полуклоуническихъ одѣянiachъ, ворочили посудой на кухнѣ, блистающей пахомъ и бенгальскимъ огнемъ, давали концертъ посредствомъ тазовъ и сковородокъ, выкрикивая малопрістойныя изреченія. Черти съ рогами вели повѣшенныхъ за языки грѣшниковъ. Ангелы завивались въ парикмахерской у оловъ. Экипажи въ цвѣтахъ, лентахъ и золоченыхъ бусахъ, съ массой хорошенькихъ женскихъ головокъ; хоры музыки; отряды ландскнехтовъ и рейтаровъ; процессіи великановъ и карликовъ — и все другое въ этомъ родѣ, что было бы утомительно ловить цѣликомъ въ сѣти подробнаго описанія, — двигалось, приплясывая и свистя, въ облакахъ цвѣтной муки и конфетти, — къ площади, гдѣ уже возсѣдало подвыпившее жюри, призванное отличить самый интересный выѣздъ почетной наградою. То былъ карнавальнй кубокъ — премія, переходящая изъ года въ годъ къ новымъ рекордистамъ маскарадной изобрѣтательности.

Толпа потѣла и зубоскалила. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда разнообразности существованій, — основа жизни, — отбросивъ укрѣпляющую жестокость повседневнои борьбы, образуютъ добровольное государство возвеличеннаго каприза. Есть вещи, — явленія, бесполезныя въ истинно хорошемъ значеніи этого слова, но болѣе соединяющія людей и общепонятныя имъ, чѣмъ всѣ рогадки приказывающей, доктринерской мысли. Къ нимъ принадле-

Могила убитыхъ солдатъ изъ нѣмецкихъ десантныхъ войскъ.

Могила въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока умирали раненые въ госпиталѣ, оставалась незасыпанной и была лишь прикрыта досками и цвѣтами.

Размѣнная желѣзная монета, выпущенная „красными“ взаменъ серебряныхъ денегъ.

Деньги эти были въ ходу еще не такъ давно во всей провинции, занятой „красными“. Теперь онѣ аннулированы.

жать любовь, гримаса и сказка. Отъ нихъ слѣдовало бы танцовать плакальщикамъ социальныхъ водоворотовъ.

II.

Часа за два передъ тѣмъ, какъ мы съ читателемъ начали осматривать Санъ-Амиго, въ небольшомъ домѣ, стоявшемъ нѣсколько поодаль за фабрикой сигаретъ, собралась костюмированная компанія, преслѣдовавшая, повидимому, тѣ же невинныя цѣли, иными воплощеніями которыхъ наполнились уже веселыя улицы.

Однако, было нѣчто угрюмо мрачное въ замыслѣ экипажа и костюмахъ участниковъ. Три черныя лошади были запряжены цугомъ въ продолговатую платформу на колесахъ, съ возлежащимъ на сей платформѣ огромнымъ рогомъ изобилія, чернымъ, какъ и все въ этомъ сооруженіи, съ пастью, обращенной впередъ. Изъ него сыпались картонныя бѣлыя черепа, скрѣпленные проволоками, образуя противную грудую отвратительнаго подражанія устрашающему въ природѣ. На высокомъ передкѣ сидѣлъ возница, сравнивая и перебирая возжи. Все это находилось внутри цвѣтущаго двора, подъ снѣгомъ апельсиннаго цвѣченія.

Съ крыльца, укрытаго пышной зеленью, сошли двое: молодой человекъ и совсѣмъ юная дѣвушка. Всѣ трое, считая возницу, были одѣты въ черное трико, широкіе, густо накрученные пояса и плащи съ капюшонами. Мрачная чернота этихъ одеждъ придавала описанному трю полумонашескій, полуразбойничій видъ; однако, въ силу разницы половъ, впечатлѣніе это слѣдовало отнести болѣе къ мужчинамъ, чѣмъ къ дѣвушкамъ, тонко прекрасное лицо которой, серьезное, какъ на молитвѣ, выражало трогательное, сдержанное волненіе. Возница былъ румянъ, русъ и кудравъ; несмотря на это, — нѣчто, не удовимо сдвинутое въ его лицѣ, какое то ничтожное несоотвѣтствіе чертъ съ веселыми красками молодости, — дѣлало его лицо вызываю-

ще жестокимъ и наглымъ. Молодой человекъ, вышедшій съ дѣвушкой, — ея родной братъ, — былъ худъ и землистъ лицомъ; его сдавленный, упрямый лобъ накрывалъ рѣдкими бровями широко раскрытые, какъ бы оцѣпенѣвшіе глаза. Ничтожная бородка, и такая же тѣнь первыхъ усовъ еще болѣе отѣняли болѣзненность и нервозность костлявыхъ чертъ.

— Да, Либеріо, — сказалъ онъ возницѣ, — съ такимъ рогомъ намъ нечего надѣяться получить призъ. Мы сами выдадимъ премію кровопийцамъ и толсто-брюхимъ. А ты, Эмилиа? Не боишься ли ты?

— Нѣтъ, — сказала дѣвушка послѣ короткой паузы. — Ну, что же? Мы обо всемъ переговорили. Надо ѣхать, Карло.

Карло кивнулъ. Затѣмъ, нагнувшись къ повозкѣ, онъ ощупалъ въ глубинѣ бумажныхъ череповъ, три тяжелыхъ, жестяныя коробки и, удостовѣрившись, что имъ не угрожаютъ толчки, занялъ мѣсто впереди экипажа.

III.

Люди эти были — анархисты, задумавшіе безумное дѣло среди шума и пестроты праздника. Они намѣревались бросить три бомбы на эстраду жюри, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ членовъ магистрата, художниковъ и торговцевъ. Разсматривая карнаваль, какъ сборище праздныхъ, насквозь пропитанныхъ предрасудками «собственности и мѣщанской морали», — людей, въ моментъ ихъ ликованія, поэтизирующаго основы ненавистной, старой жизни, заговорщики сочли весьма эффектнымъ и дѣйственнымъ поразить городъ паникой при наибольшемъ числѣ зрителей, отдавшихъ безъ подозрѣній веселью. Это

была такъ называемая, «пропаганда фактомъ». Ихъ мрачный выѣздъ, символизирующій щедрость смерти, способствовалъ, по мысли организаторовъ, силѣ впечатлѣнія ихъ поступка. Здѣсь, карна-

валь, какъ-бы, поражающій самъ себя, выдѣливъ зловѣще оригинальную колесницу. Либеріо и Карло были душой замысла; что касается Эмилиа, то она присутствовала третьей по жребію, дѣйствующему, иногда, не такъ слѣпо, какъ кажется. Фанатизмъ мужичинъ, кромѣ разрушительныхъ наклонностей ихъ вытекалъ изъ страннаго, игрушечнаго представленія о природѣ и жизни, въ которыхъ грубый и неподвижный умъ, отталкивая неизмѣримую сложность явленій, видѣлъ лишь застывшія формы предметовъ, подлежащихъ перестановкѣ. Въ значительной степени примѣшивались сюда романтизмъ и тщеславіе и, еще, — несомнѣнно, — навязчивая идея крови, страшная по существу, но именно этимъ ослѣпляющая ихъ, создавая фикцію дѣла огромной важности.

Намъ незачѣмъ болѣе вникать въ этихъ людей, напоминающихъ неопытныхъ изобрѣтателей воздушныхъ аппаратовъ, безсильныхъ, какъ механизмы. Перейдемъ къ дѣвушкамъ, — героинѣ этого дня.

IV.

Эмилиа родилась и выросла въ семьѣ отшельнической, занявшей, по отношенію къ жизни, роль печальной, но самовлюбленной избранницы. Ея отецъ былъ политическій эмигрантъ, радикализмъ котораго при новомъ курсѣ оказался въ глазахъ новой власти терпимымъ. Карини вернулся на родину.

Съ дня рожденія жизнь дѣвушки протекала, — такъ сказать, — въ семейно-политической атмосферѣ, насыщенной воспоминаніями, легендами, благоговѣніемъ передъ прошлымъ отца и преданностью матери, не оставившей своего мужа въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Пяти

Банковскіе бумажные деньги, выпущенные финляндскимъ государственнымъ банкомъ и Вазааскимъ частнымъ банкомъ изъ-за недостатка денежныхъ знаковъ.

За время революціи финляндскій банкъ понесъ крупныя потери, исчисляющіяся въ 200 милліоновъ марокъ — сумма довольно значительная для небольшого финскаго государства.

Выходъ крестнаго хода изъ костела св. Екатерины.

лѣтъ дѣти пѣли уже революціонныя пѣсни. Днемъ часто посѣщали старики и старухи, такіе же сѣдые и отсталые во взглядахъ, какъ и хозяинъ,—знаменитости революціонныхъ круговъ, живые памятники прошлой борьбы. Имена ихъ произносились съ ревнивымъ почтеніемъ. Они, непрерывно, толковали о вопросахъ государственной жизни и разговоры эти годъ за годомъ насаивали въ душу дѣвочки сознание наследственности—преемственности ея будущихъ убѣждений. Система строгой тенденціи проводилась воспитаніемъ. Ихъ дѣтскія книги сыпали описаніемъ подвиговъ и поступковъ высоко-правственныхъ. Сказки преслѣдовались. Духъ кулиарнаго раціонализма съ неизбѣжно сопутствующими ему нетерпимостью и прямолинейностью преслѣдовалъ по пятамъ неокрѣпшія души. Слыша съ дѣтства восхваленія тюремныхъ и всякихъ другихъ страданій, связанныхъ съ кандалами и висѣлицей, Эмилія постепенно приучилась смотрѣть на нихъ, какъ на нѣкое мрачное и неизбѣжное счастье, даримое судьбой изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мѣщанствомъ, т. е. проявленіемъ презрѣнной и вульгарной косности, почитались здѣсь наряды, водевили, кинематографъ, флиртъ, танцы,—все, что свойственно безпритязательной молодежи.

V.

Послѣ нѣсколькихъ переулковъ, мало оживленныхъ, благодаря тому, что все почти населеніе въ веселомъ дурманѣ карнавала устремилось къ центрамъ, повозка съ заговорщиками выѣхала, наконецъ, на одну изъ главныхъ артерій, ведущихъ къ площади.

Самая приподнятость настроенія и волненіе тѣмъ, что произойдетъ на пло-

щади, волненіе, инстинктивно удержанное отъ страшнаго озаренія его сознаніемъ, располагали уже къ тому, чтобы пѣвучій хаосъ цвѣтныхъ улицъ и все, въ нихъ происходящее, воспринимались съ умноженной и обостренной силой. Старое сравненіе съ людьми, ѣдущими на казнь, имѣло бы здѣсь мѣсто, не будь все-таки еще и теперь свободы выбора. Эта добровольность, это полусознанное насиліе надъ волей къ самоохраненію должно возбуждать болѣе принужденія. Поэтому, никогда еще въ жизни дѣвушка не была такъ хрупко напряжена. Глаза ея горѣли тайной и ликованіемъ окружающаго. Множество взглядовъ устремилось къ ея плѣнительному лицу и это заставило ее безсознательно принять позу, наиболѣе выгодную ея сложению.

«Рогъ и зобилія» двигался между кинтайскимъ дракономъ и колесницей Нептунъ, шейся сзади. На мрачное сооруженіе было

немедленно обращено раздражительно насмѣшливое вниманіе толпы.—«Почемъ старыя кости?»—выкрикивали подростки, швыряя апельсинными корками въ Либерію и Карло, бѣжавшихъ съ зловѣщимъ торжествомъ свирѣпой безнадежности въ душѣ и двусмысленными улыбками.—«Кормильцы навозныхъ мухъ!»—кричали другіе.—«Скелетные мастера!»—«Домашнія привидѣнія!»—«Смотрите: музейные сторожа грабятъ студентовъ!»—Такіе и подобные имъ возгласы раздавались вокругъ въ то время, какъ группы молодыхъ людей, одѣтыхъ рыцарями, турками, краснокожими, шутами и проч., обступили съ двухъ сторонъ дѣвушку, приговаривая любезности и комплименты, съ искреннимъ восхищеніемъ, вызываемымъ ея витѣшностью.

Эмилія была нѣкоторое время въ замѣшательствѣ; затѣмъ, уступая вполне женскимъ чувствамъ, граціозно льстившимъ ея самолюбію, начала шутиливый разговоръ, заставившій ее временно забыть роковую цѣль медленнаго движенія къ площади. Первый разъ жизни со стороны ея пола такъ шумно и весело подошла къ ней, и она не могла не ощущать этого съ печальнымъ вниманіемъ затворницы, выглядывающей изъ-за рѣшетки замка. На колесницѣ дракона плавно гремѣлъ вальсъ; балконы домовъ были украшены коврами и флагами; вездѣ видѣлись цвѣты... Надъ ея головой непрерывно сыпался градъ конфетти; въ ея рукахъ и корсажѣ, какъ бы выросшія магически, алѣли свѣжія розы; и линіи серпантина, съ ихъ медленно падающими траэціями, слабо шипя, опутывали ея шею и руки лентами всѣхъ цвѣтовъ.

Валдахинъ надъ католическимъ архіепископомъ бар. Роопомъ.

2-го іюня, въ день католическаго праздника „Тѣла Господня“, въ Петроградѣ состоялся торжественный римско-католическій крестный ходъ. Въ 9 часовъ утра подъ звуки двухъ оркестровъ процессія съ архіепископомъ бар. Роопомъ во главѣ тронулась изъ костела св. Екатерины по Невскому, Литейному пр. и др. улицамъ къ католическому кладбищу на Выборгской сторонѣ. Въ процессіи принимали участіе гольскій легіонъ, поляки, литовцы, бѣлыя руссы и представители другихъ національностей католическаго вѣроисповѣданія, а также польскіе соколы и соколицы. Петроградцы, во множествѣ собравшіеся по пути слѣдованія процессіи, лютовались рѣдкимъ по красотѣ грандіознымъ религіознымъ шествіемъ.

Колонна польскихъ соколовъ.

Тѣмъ временемъ, ея колесница завернула на площадь, готовую, казалось, развалиться отъ грома барабановъ и трубъ, и стала въ очереди, среди полукруга, одинъ конецъ котораго, растекаясь подъ аркой кіоска журн, терялся въ облакахъ фланговъ.

VI.

Карло подошелъ къ дѣвушкѣ съ безкровнымъ лицомъ.

— Сестра! — сказалъ онъ вполголоса, такъ, что его не могли слышать чужіе, — наша святая ненависть скоро обрушится на головы этихъ безумцевъ. Можетъ быть, насъ убьютъ на мѣстѣ. Когда наступитъ моментъ, мы простимся. Вотъ что: намъ остается ждать съ полчаса до очереди. Либеріо хочетъ пить, я — тоже; вѣроятно — и ты. За наше отсутствіе ты посидишь здѣсь, а мы заглянемъ въ таверну и принесемъ тебѣ чего нибудь прохладительнаго.

Будничность этого сообщенія еще болѣе подчеркнула сумасшествіе кроваваго дѣла. Какъ только мужчины скрылись въ толпѣ, Эмилиа вынула изъ тайника жестянки, спрятала ихъ подъ плащомъ и съ чувствомъ человѣка, нашедшаго силу удалиться отъ пропасти, покинула свое мѣсто съ цѣлю найти другое, куда безопасно для своей и чужихъ жизней могла бы спрятать снаряды.

Нѣсколько времени, стоя на тротуарѣ, она безпомощно оглядывалась, не безпокойная никѣмъ, такъ какъ успѣла среди хаотическаго движенія скрыться отъ кавалеровъ, и рѣшила уже искать случая; поэтому, войдя въ ближайшія ворота, она, замѣтивъ, что дворъ пустъ, поднялась по каменной лѣстницѣ совершенно безотчетно, думая съ тоской, что этотъ путь, за неимѣніемъ выбора,

не хуже другихъ. Вдругъ, съ одной изъ площадокъ, замѣтила она крошкѣйшій коридоръ, а въ немъ, слѣва, неприкрытую

Шествіе польской колонны съ хоругвями.

дверь. Заглянувъ туда, она увидѣла родъ чулана, полного сора и хозяйственныхъ въ отставкѣ предметов; здѣсь, торопясь обезопасить зловѣщую

ношу, Эмилиа сложила ее въ дальнемъ углу полки и, внезапно почувствовавъ вслѣдъ за этимъ сильную усталость, присѣла на ящикъ.

Возбужденіе ея разразилось слезами. Не удерживая ихъ, она закрыла лицо рукой, и слезы, падая, сквозь пальцы, на цвѣты, дышавшіе за ея поясомъ, отягчали ихъ лепестки лучшей росой жизни. Наконецъ, успокоившись, она вспомнила о томъ, что должна вернуться къ своему мѣсту ранѣ брата и легко, съ первымъ короткимъ блаженнымъ смѣхомъ пошла къ двери.

Но за ея довѣрчивымъ тѣломъ стояла судьба, подходящая къ избѣгающимъ ея тысячами путей, не знающимъ заблужденія. Полка, установленная на неравно вбитыхъ въ стѣну гвоздяхъ, при малѣйшемъ перемѣщеніи своего груза, принимала покатошь, незначительную, но достаточную для движенія цилиндрическаго предмета. Одинъ снарядъ лежалъ бокомъ. Соринка ли, уступившая давленію тяжести, или оскользнувшая крупница штуркатурки... какъ сказать, что именно освободило легкій наклонъ.

Уже на порогѣ Эмилиа остановилъ громкій стукъ. Краткое мгновеніе, блеснувшее межъ разрывомъ и стукомъ, пока, шипя, смѣшивалась сѣрная кислота съ запаломъ, было самымъ тяжкимъ страданіемъ, мыслимымъ на землѣ. Дѣвушка не могла шевельнуться. Затѣмъ смерть бережно провела ее въ безвѣтренный садъ святыхъ, а каменный вихрь, полный огня и пыли, отразилъ неистовымъ громомъ воздушный громомъ посланный карнаваломъ.

А. С. Гринъ.

Литовская колонна.

Петроградская интеллигенция на огородных работах.

Фотографии по поручению „Огонька“ Б. ШАВИНСКАГО.

При томъ катастрофическомъ «продовольственномъ» положеніи, въ какомъ оказался Петроградъ, когда костлявая рука голода схватила за горло все его населеніе безъ различія классовъ и состояній, всякія мѣропріятія, могущія хотя бы отчасти смягчить ощущаемые уже и предстоящіе вперед ужасы голода, приобретаютъ громадное значеніе, и къ осуществленію ихъ должны быть въ первую голову направлены стремленія какъ власти имѣющихъ, такъ и общественныхъ организаций и даже частныхъ лицъ.

Къ числу такихъ мѣропріятій, безъ сомнѣнія, должно отнести и стремленіе къ развитію въ Петроградѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ огородничества.

Въ Петроградѣ имѣются въ большомъ количествѣ никогда неводѣлывавшіеся пустыри или заброшенные нынѣ нѣкогда разраотанные подъ огородныя культуры земли. Съ началомъ весны, кажется, было издано постановленіе о томъ, что всѣ пустующія земли, способныя быть использованными подъ огороды, могутъ быть занимаемы бесплатно и безъ согласія ихъ настоящихъ собственниковъ и владѣльцевъ всѣми желающими развести на нихъ огороды. Такихъ земель въ Петроградѣ и его окрестностяхъ большое количество, и если бы всѣми этими землями сумѣли воспользоваться, то продовольствіе Петрограда могло бы улучшиться по меньшей мѣрѣ наполовину, ибо огородные овощи, по содержанію питательныхъ веществъ и по своей

Лекція у парниковъ.

дающаго населенія Петрограда—нѣкоторую дѣятельность къ этому отношенію они проявили лишь въ самомъ началѣ весны устрой-

2-хъ-мѣсячные курсы по огородничеству въ аудиторіи сельскохозяйственнаго музея, усиленно и съѣхавшіеся желающими приобрести необходимыя познанія по огородному дѣлу, а затѣмъ съ весны же организовало огородную артель, въ которую могли поступать всѣ слушатели лѣтнихъ курсовъ. Для этой артели обществомъ были заняты примыкающіе къ огородамъ общества пустыри, нѣкогда бывшіе подъ огородами, расположенные по обѣ стороны Фридрихс-амской ул. между Головинскимъ и Языковымъ переулками. Помимо огородничества на этихъ лѣтнихъ курсахъ въ теченіе почти 4-хъ-лѣтнихъ мѣсяцевъ теоретически и главнымъ образомъ практически ведугся занятія также по пчеловодству и садоводству подъ опытнымъ руководствомъ специалистовъ. Огородная артель при всероссійскомъ обществѣ пчеловодства, садоводства и огородничества организована на совершенно автономныхъ началахъ,—она въ своей дѣятельности является совершенно само-тягательною, рѣшая всѣ общіе вопросы на своихъ общихъ собраніяхъ; въ составъ ея членовъ—слушателей лѣтнихъ курсовъ общества—входятъ лица мужского и женскаго пола самыхъ разныхъ положеній и занятій на началахъ совершенно демократическихъ: рабочіе съ закодѣльщиками, чиншники разныхъ правительственныхъ учрежденій, служащіе частныхъ предпріятій, бывшіе офицеры и даже бывшіе генералы и т. п. На нашемъ рисункѣ изображены члены этой артели на работѣ на ихъ артельномъ огородѣ.

Корчеваніе и счистка поля.

продуктивности, въ нѣсколько разъ превосходить продукты полевой культуры. Казалось бы къ этому использованію и надлежало стремиться всѣмъ и всѣми мѣрами, ибо при полномъ разстройствѣ железнодорожнаго транспорта надежды на улучшеніе продовольствія Петрограда и на привозъ продуктовъ питанія изъ внутреннихъ и восточныхъ губерній представляются проблематичными. Къ сожалѣнію, немного такихъ пустующихъ земель изъ всей ихъ массы, имѣющейся въ Петроградѣ, нынѣ использованы. Причиной этому, главнымъ образомъ, являются наша инертность и отсутствіе у насъ само-дѣятельности, привычка наша къ опеке пре-державными властями и вообще наша малая способ-ность къ организаціи. Тѣмъ не менѣе изрядное количество огородныхъ земель нынѣ обр-щено уже подъ огороды: ими восполь-зовались для своихъ общественныхъ и пока-зательныхъ огородовъ нѣкоторыя продоволь-ственные районныя управы, нѣкоторые за-воды составили огородныя артели изъ числа своихъ рабочихъ и обраб-и пустующія окрестныя земли подъ огороды для удовле-творенія потребностей своихъ семей. Наши сельско-хозяйственныя организаціи и обще-ства въ этомъ отношеніи — увы! — не оказались на высотѣ и отпали почти что совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣла улучшенія питанія голо-

ствомъ кратковременныхъ курсовъ по огоро-дничеству, которые имѣли огромный успѣхъ, но предположенія ихъ объ образо-ваніи на лѣто огородныхъ артелей оста-лись въ ряду неосущест-вленныхъ бла-гъ предположеній. Лишь одно всерос-сійское обще-ство пчеловодства, садоводства и огородни-чества въ этомъ отно-шеніи оказа-лось дѣятель-нымъ и энер-гичнымъ до конца. Въ те-ченіе про-шедшей зи-мы и начала весны оно устраивало

Подготовка карт-ф-льного поля.

Продовольственная нужда заставила придумать обитателей петроградской коммуны. Пришлось стряхнуть съ себя русское авось, ибо вѣра въ скорое улаженіе продовольственнаго кризиса окончательно исчезла. На упавшую надежду, но самъ не плошай — бѣшил петро-градец и сталъ урывать нѣсь олько часовъ отъ небольшого досуга своего, дабы собствен-ными руками заготовить себѣ на лѣто и грядущую осень кой-какое подкрѣпленіе къ скуд-ному пайку. Являются послѣ трудового дня, часто п-ямо съ работы, и работаютъ до позд-нихъ сумерекъ. Но все же не всѣ обезпечены п-ямото, что посягали... особенно въ карто-фельныхъ огородахъ, такъ какъ голодное окрестное населеніе нерѣдко по ночамъ уничтожало поля, выкапывая изъ земли посѣянную для роста картофель.

Не знаю я, поймешь ли ты,
Когда я расскажу,
Что шепчутъ бѣлые цвѣты,
Склонившись на межу:

«Мы близки. Жизнь у насъ
одна:

Надъ нами небеса,
На листьяхъ по утрамъ видна
Блестящая роса.

Томимся мы въ полдневный зной,
А ночью въ царствѣ сна
Сверкаемъ нѣжной бѣлизной,
Когда взойдетъ луна...»

Мы—въ жизни словно два
цвѣтка

Раздѣлены межей:
Ты отъ меня не далека,
Но я тебѣ чужой!..

А. П.

Герцогъ Рейхштадтскій.

Разсказъ бар. А. БУДБЕРГЪ.

I.

— Вы говорите, другъ мой, что въ самомъ нормальномъ человѣкѣ кроется доля безумія? Такъ, можетъ быть, такими долями можно считать взбалмошность, причуды, женскіе капризы?

— Безусловно. Если вы прослѣдите...

— Подождите. А влюбленность? Только не простая, а странная, необъяснимая влюбленность въ несуществующій предметъ или въ портретъ давно умершаго человѣка?

Докторъ Старпъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на свою собесѣдницу. Почему вдругъ заблестѣли ея потускнѣвшіе съ годами глаза и порозовѣло матовое немолодое лицо?

— Психозъ, отрывисто отвѣтилъ онъ, закуривая новую папиросу.

Женщина сидѣла въ креслѣ, опустивъ голову, о чемъ то глубоко задумавшись.

Мягкія складки сиреневаго платья обрисовывали немного расплывшую, но все еще изысканную фигуру, а руки бѣлѣвшія на этихъ сиреневыхъ складкахъ были малы и прозрачны, какъ и 20 лѣтъ назадъ.

— Психозъ, повторила она дѣлкимъ голосомъ и вдругъ, неожиданно, пронычески разсмѣялась.—Милый докторъ, не хорошо быть только докторомъ. Такъ пропускаешь жизнь и нѣчто важнѣе ея.

Что то остро кольнуло въ груди сѣдѣющаго доктора, заставило нервно дрогнуть уголки его рта.

Ужъ не упрекаетъ ли она его, эта женщина, за то, что, подавляя порывы когда то мучительной страсти, онъ 20 лѣтъ довольствовался почти полнымъ приниженіемъ къ ея прозрачнымъ ручкамъ?

Уходъ за грядками.

Ужъ не упрекаетъ ли она его за 20 лѣтъ ихъ необычайной дружбы, за братскую нѣжность и обожаніе, которыми онъ окружилъ ее?

Докторъ Старпъ не отвѣтилъ и, продолжая курить, оглянулся кругомъ.

Гаснущій весенній день наполнялъ комнату блѣдно-голубымъ, прозрачно-

— Другъ мой, сегодня я хочу разсказать вамъ сказку моей жизни. Дѣйствительность вы знаете хорошо, а сказку я скрывала. Вѣдь врачи не любятъ сказокъ—добавила она съ тѣмъ же страннымъ смѣхомъ.

Стараясь казаться равнодушнымъ, онъ уронилъ небрежно:—Я слушаю васъ.

— Вы полюбили меня тоненькой дѣвушкой, похожей на молочницу Греза, не такъ ли?—спросила она и, не получивъ отвѣта, продолжала: помните, какая я была тогда нѣжная, мечтательная, словно живущая «на звѣздахъ», какъ шутя говорили вы.

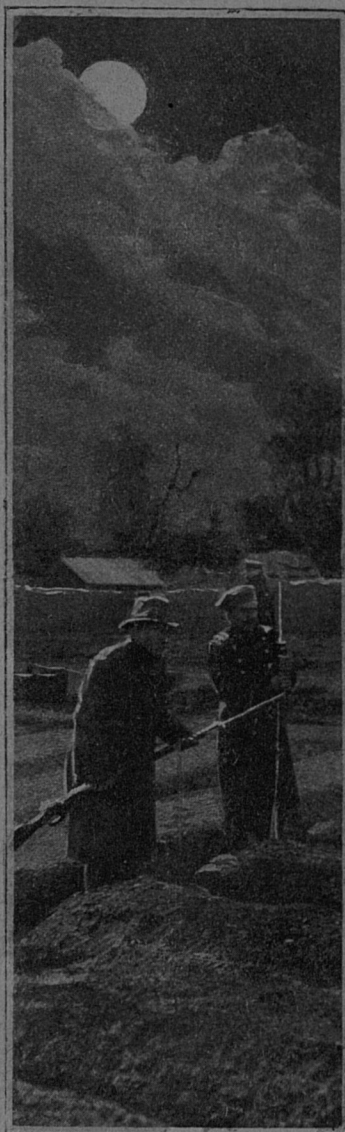
На вашу любовь я кратко отвѣтила «нѣтъ» и черезъ два мѣсяца вышла за богатаго, пожилого купца. Конечно, такъ было нужно. Что могли вы дать мнѣ—бѣдный студентъ, а бракъ съ купцомъ давалъ мнѣ миллионный доходъ.

Видите, обитая на звѣздахъ, я все-таки хорошо знала математику.

Когда я овдовѣла, вы опять пришли ко мнѣ, тогда уже въ ореолѣ извѣстности, но на ваше пылкое признаніе я отвѣтила, что я женщина только до сихъ поръ.

Она провела рукой по своей талии.

— Съ тѣхъ поръ мы стали братомъ и сестрой и такъ прожили бокъ о бокъ нашу несложную жизнь. Меня вы считали святой. Ну еще бы! Надо было поискать женщину подобную мнѣ. Не женщина, а вторая Дѣва Марія! Правда, многое вы объясняли съ докторальной точки зрѣнія. «Иногда, очень рѣдко, природа зло шутитъ надъ женщинами, навѣрное, она пошутила и надъ ней»—думали вы. Но дѣло въ томъ, что здѣсь пошутила не природа, а неизвестно кто! Другъ мой, обратили ли вы когда нибудь вниманіе на гравюру, висящую надъ моей кроватью, вмѣсто иконы? Живымъ кажется этотъ молодой человѣкъ, блѣднѣе своего бѣлаго мундира, съ золотистой прядью на лбу, съ печальнымъ взоромъ фіолетовыхъ глазъ. Это—портретъ герцога Рейхштадтскаго, безцѣнная работа неизвестнаго художника. Этотъ портретъ, въ старой золотой рамкѣ, былъ преподнесенъ моей

На сторожевомъ посту.

Днемъ и ночью бдѣть охрана, выхлопотавшая себѣ разрѣшеніе на оружіе. Никто не позарится больше на плоды трудовъ огородниковъ по-неволѣ.

колеблющимся свѣтомъ; въ открытое окно доносился стихающій шумъ города и мелькали, переливаясь на свѣтлыхъ обояхъ, разноцвѣтныя огоньки трамваевъ.

Женщина дотронулась рукой до его колѣнъ, наклонилась и, обдавая его знакомымъ, теплымъ дыханіемъ, загорила:

матери влюбленнымъ въ нее французскимъ аристократомъ.

Когда мнѣ было 12 лѣтъ, мама подыспудомъ старинныхъ вещей, которыхъ у насъ была цѣлая коллекція, нашла портретъ и подарила его мнѣ. И вотъ съ того дня моя жизнь обратилась въ бредовой сонъ, въ фантастичную тайну, въ неотступную мечту о невозможномъ.

Я влюбилась въ картину. Я пережила всѣ періоды влюбленности, начавъ съ трогательнаго обожанія дѣвочки, перейдя на первую нѣжно-стыдливую любовь дѣвушки, кончивъ знойной страстью созрѣвшей женщины. Я плакала по почамъ, цѣлуя губы, которые не могли мнѣ отвѣтить, я протягивала руки къ нарисованнымъ рукамъ, я молилась ему, я каталась въ изступленіи, крича отъ мукъ безысходной страсти...

А на утро я вставала съ пересохшими губами, съ черными кругами под глазами, но спокойная, глубокоравнодушная ко всѣмъ мужчинамъ, казавшимся мнѣ существами чуждаго мнѣ міра.

Благодаря средствамъ мужа я могла путешествовать и, какъ вы знаете, за эти два года, что мы не видѣлись съ вами, я объѣхала всю Европу.

Я ходила по музеямъ, жадно всматриваясь въ рѣдкія картины, гдѣ былъ изображенъ онъ, я скупала всѣ книги, гдѣ говорилось о немъ, я смотрѣла только тѣ пьесы, гдѣ хоть вскользь произносилось его имя.

Я вернулась еще болѣе измученная, болѣе неудовлетворенная. Эта сверхчеловѣческая любовь, эта чудовищная страсть къ умершему почти вѣкъ назадъ человѣку пожирала мою кровь, убивала душу, отнимала разумъ.

Я пробовала лечиться: гипнозомъ, морфіемъ, развратомъ. Ничто не могло, послѣднее только увеличило мое отвращеніе къ мужчинамъ. Я ушла отъ жизни, отъ людей; занялась, чтобы разсѣяться,

благотворительностью. Вы считали меня святой. Да, я была святой, мечтающей о грѣхѣ, монахиней, молящейся дьяволу. Если вы припомните: въ тотъ годъ, когда впервые гремѣлъ «Орленокъ» Ростана, я уѣзжала безъ васъ на трехмѣсячное путешествіе. Въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ я смотрѣла знаменитую драму, надѣясь въ ней увидѣть воплощеннымъ моего загробнаго возлюбленнаго, обмануться игрой, найти хоть на одинъ вечеръ желанное забвеніе. Все напрасно.

отъ божественнаго юноши, живущаго въ золотой рамкѣ на стѣнѣ моей спальни.

Возвращаясь въ нашу столицу, я по пути остановилась въ провинціальномъ южномъ городѣ, гдѣ жила моя родственница.

Южная весна стояла въ полномъ разгарѣ. Увеселительные сады утопали въ зелени, пестрѣли нарядной публичкой, оглашались сногшибательными оркестрами.

И въ одномъ изъ этихъ садовъ, на открытой сценѣ, я опять увидала «Орленка», разыграннаго третестепенными провинціальными актерами.

Ахъ, что мнѣ было до нихъ! Я не видѣла игры, я не слышала словъ. Передо мной былъ онъ—властитель моихъ сновъ, ожившая картина, мертвецъ, околдовавшій меня.

II.

Да, это былъ онъ сошедшій съ портрета надъ моей постелью—блѣдный герцогъ съ лиловыми глазами и загадочной улыбкой алаго рта.

Я сошла съ ума. Я рѣшилась. Я послала письмо артисту, гдѣ за крупное вознагражденіе предлагала ему явиться ко мнѣ вечеромъ, въ костюмѣ Рейхштадтскаго герцога, восскресить минувшій вѣкъ, предавъ забвенію настоящій, и разыграть со мной любовную сцену. Черезъ день я получила утвердительный отвѣтъ.

Какъ не побоялся этотъ человѣкъ ѣхать къ сумасшедшей! Вѣдь онъ долженъ былъ считать меня таковой.

Боже, что было со мной! Я велѣла вынести изъ номера гостиной, гдѣ я жила, всю обстановку и убрала его шпифель блѣднорозовой мебелью, г. беленами и картинами стиля Empire, купленными мной за баснословную цѣну у какого то еврея.

Комната, обращенная въ тонный бу- дуаръ, благоухала цвѣтами, которые красовались въ высокихъ, художественно разрисованныхъ вазахъ, а на чайномъ

Пожаръ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ.

По фотографіямъ московскаго корреспондента „Огонька“.

Цистерны съ бензиномъ и керосиномъ, спасенныя отъ огня.

26 іюня днемъ Москва была взволнована оглушительными взрывами. Въ ближайшихъ къ мѣсту взрыва домахъ выбиты стекла въ окнахъ. Взрывъ переполошилъ не только Москву, но и ближайшія дачныя мѣстности. Взрывъ произошелъ на запасныхъ путяхъ Московско-Казанской жел. дор.

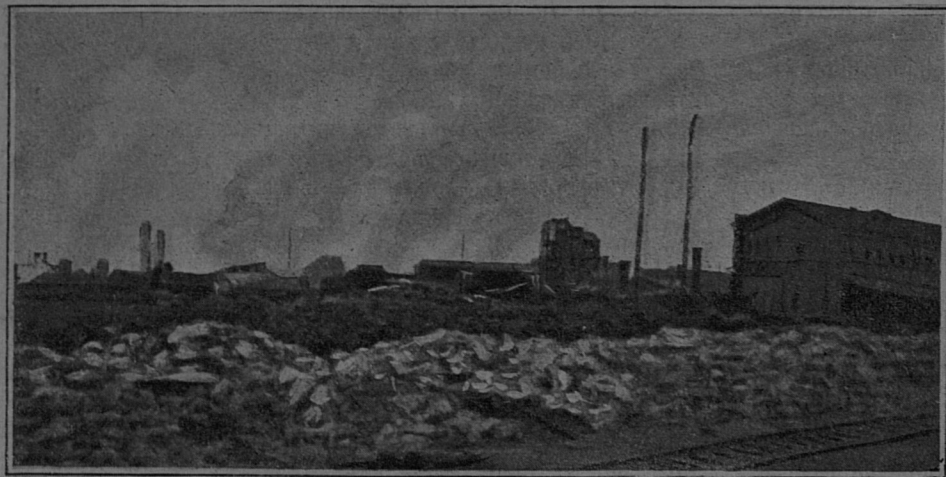
Здѣсь на платформѣ было выгружено много боевыхъ снарядовъ. Составъ поѣзда былъ посланъ для погрузки снарядовъ. Часть снарядовъ успѣли погрузить. Снаряды предназначались на одинъ изъ внутреннихъ фронтовъ.

Отъ невыясненной пока причины на платформѣ вспыхнулъ пожаръ, и тотчасъ же начались взрывы снарядовъ. Огонь распространялся съ огромной быстротой и захватывалъ все дальше и дальше лежація мѣста. Черезъ нѣкоторое время огонь перекинулся на частныя владѣнія, расположенныя по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги. Деревянные домики, населенные бѣднотой, загорались одинъ за другимъ.

Кромѣ человѣческихъ жертвъ отъ пожара, которыхъ насчитывается свыше 60 человѣкъ, огромная товарная станція со всѣми платформами на болѣе или менѣе значительное время выбыла изъ строя. Длинная цѣпь вагоновъ, заполненныхъ грузами, стала добычей огня. Свыше 580 вагоновъ порожнихъ и съ грузами сгорѣли.

Убытки отъ пожара громадны. На станціи было много хлопка, неф и мануфактуры. По приблизительному подсчету убытки опредѣляются въ 18 миллионъ рублей. Точное количество снарядовъ, погибшихъ при взрывахъ, не выяснено.

Въ составѣ поѣзда со снарядами сгорѣло 36 вагоновъ. Сгорѣли 7 платформъ и лежавшіе на нихъ снаряды и продовольственные грузы. Разрушено 20 путей.

На путяхъ товарной станціи, гдѣ произошли взрывы.

Я видѣла только переодѣтыхъ актрисъ, талантливо изображающихъ невзрачнаго принца — безконечно, далекаго

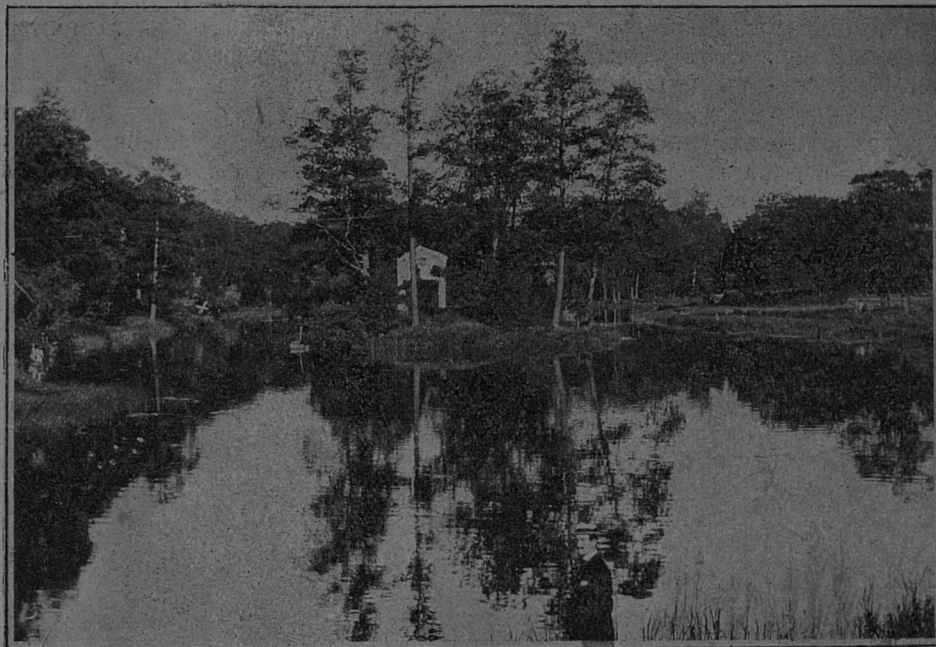
дураръ, благоухала цвѣтами, которые красовались въ высокихъ, художественно разрисованныхъ вазахъ, а на чайномъ

Тайна Елагина Острова.

По фотографии, доставленной „Огоньку“.

бронзовомъ столѣ былъ приготовленъ севрскій сервизъ (пріобрѣтенный у того же еврея) и тоненькіе, какъ таліи маркизъ, бокальчики для шампанскаго.

За кого меня принимали? За богатую самодурку или просто за ненормальную? Но я объ этомъ не думала. Въ девять часовъ, когда сквозь занавѣшенные штофомъ окна проглядывала спускающаяся ночь и слабо доносились взвизыванія близкаго оркестра — куаферъ доканчивалъ мою высокую прическу со спущенными по сторонамъ лица локонами, а недоумѣвавшая портниха торопливо дошивала на

(X) Мѣсто, гдѣ найденъ трупъ.

Обнаруженный случайнымъ фотографомъ-корреспондентомъ „Огонька“ трупъ въ кустахъ Елагина острова въ воскресенье, 2 июня утр. омъ.

мнѣ затканное серебромъ платье, съ короткой таліей и открытой грудью тѣхъ временъ.

Я загла бронзовую, украшенную амурами и цвѣтами люстру и зачарованная разлившимся феерично-лунымъ свѣтомъ стала ждать.

Онъ показался неожиданно, какъ счастье, какъ любовь.

Это былъ онъ—моя мечта, сошедшая на землю.

Бѣлый плащъ спускался съ одного плеча и открывалъ стройную фигуру въ бѣломъ шитомъ золотомъ мундирѣ, перетянутомъ широкимъ шарфомъ, съ тонкой лямкой на боку. Одной рукой онъ придерживалъ плащъ, въ другой сжималъ черную треуголку и бѣлые перчатки... И эти руки были такъ же бѣдны, и прекрасны какъ тамъ, на портретѣ.

Онъ заговорилъ первый, по французски, нервнымъ, красивымъ голосомъ, по который, казалось, звучалъ издалека. Онъ говорилъ, что съ трудомъ выбрался изъ дворца, что Меттернихъ слѣдитъ за нимъ, что онъ тоскуетъ о Франціи и любить меня.

Его руки ужъ обнимали меня, вздрагивая скользили по моему тѣлу... Какъ завороченная слѣдила я за его порывистыми движеніями, упивалась музыкой его словъ, цѣловала, цѣловала золотую прядь на алебастровомъ лбѣ, фіалки тоскующихъ глазъ и эти губы, безумно любимыя, долго желанныя, наконецъ отвѣчавшія мнѣ.

...Была ли еще, во всемъ мірѣ, подобная ночь—ночь, гдѣ любовь побѣдила смерть, гдѣ воплотились грезы, гдѣ остановилось время и вернулось невозвратное...

Была ли еще подобная ночь, гдѣ померъ провинціальной гостиницы сталъ бударомъ фаворитки австрійскаго герцога, гдѣ вчерашній актеръ—сегодня сынъ Наполеона обнималъ женщину, долгіе годы молившуюся его тѣни.

О, ночь нездѣшной страсти, нездѣшныхъ ласкъ! Ночь, когда обманъ сталъ жизнью... Моя единственная ночь...

Я заснула въ его объятіяхъ и проснулась, съ недоумѣніемъ оглядывая странную обстановку, причудливый gobelenъ, розовѣющій отъ крадущихся лучей

солнца, и вянущіе въ высокихъ вазахъ цвѣты.

А на бронзовомъ столѣ лежалъ нетронутый конвертъ съ приготовленными еще вчера утромъ деньгами, и на конвертѣ первая надпись: «Мечта сойти на землю, но только разъ».

Да, это я знала сама. Но я была счастлива, я была излечена.

Меня только до сихъ поръ занимаетъ одно: кто былъ этотъ человекъ, такъ тонко, такъ поразительно тонко понявшій меня... А быть можетъ, это былъ...

Другъ мой, въ каждомъ человекѣ кроется безуміе, но въ безуміи сокрыта мечта.

Вы со мной не согласны?

Докторъ Старкъ молчалъ, низко нагнувъ голову, чтобы скрыть катившуюся по его щекѣ непокорную слезу.

Александра Будбергъ.

* * *

Можетъ быть—опять безцѣльно промелькнетъ фата-моргана, Но я все, что не подлѣльно, дамъ за сладкій ядъ обмана. Правду пусть возьметъ другая. Мнѣ оставьте сны и сказки... Я въ послѣдній мигъ развязки Буду пѣть о новомъ раѣ...

Ел. Кнупферъ.

+ Военный летчикъ наблюдатель и казначей 1 авіаціоннаго отряда

Анатолій Еазимовичъ Заблоцкій,

павшій отъ руки убійцы-грабителей среди бѣла дня въ Петроградѣ при исполненіи своего служебнаго долга.

21 мая А. К. Заблоцкій возвращался изъ банка съ довольно крупной суммой денегъ (около 100.000 р.)—жалованья для чиновъ своего отряда, и подвергся нападенію грабителей, очевидно, хошо знавшихъ, что дѣлаея въ госуд. банкъ. «Вумя выстрѣлами изъ револьвера онъ былъ убитъ на мѣстѣ и ограбленъ».

ловок», швыряет комьями кислого творогу въ бумагу и, почти не въшая, раздаёт. Деньги, стыдись вѣсколко, суютъ въ заскорузлыя рабочія пальцы хныкающей бабенки. Вдругъ хохотъ.

— Глядите-ко. Молитвенникъ то нашъ, жалѣльщикъ, тоже въ череду на творогъ стоитъ...

Пожалѣвшій бабу огрызается:

— Али я у Смольнаго теленка спалъ? Я противъ всеобщаго закона, а если всё ложь, то и я тоже. А ну-ка звѣсь мнѣ мой хунтикъ творожцу...

Кончается эта многокрасочная сцена довольно неожиданно.

Приходить нѣкто при оружіи и, какъ теперь выражаются, очевидно, на хохлацкой гетманщинѣ, съ клеймотами и строго спрашиваетъ:

— Кто вы, товарищъ?

Вѣщающій творогъ замѣтно смущается и что то мямлитъ.

Изъ толпы авторитетно отвѣчаютъ:

— Не трожьте его, видите, красно-армеецъ; товарищъ, значить.

— Откуда вы? Изъ какого?

— А ни изъ какого...

— То есть, собственно, какъ же это? Вы дѣлаете чьи функціи? Для васъ такъ поступать неодобрительно и васъ нужно пресѣчь... Почему вы у нея отобрали творогъ?..

— А дорого продавала. Эксплоатація неправомѣрныхъ темныхъ массъ...

— Да кто васъ делегировалъ сюда, — клянутся ревизоръ, — отвѣшивать эксплоаторскій творогъ?

— А какъ же? Толпа человѣковъ сердилась. Извѣстно: не жрамши...

— До вы тутъ при чемъ?

— Я стою за народъ.

И все подъ флагомъ абсолютной сѣдобности.

Со всѣхъ сторонъ тянутся плетушки съ

заварными тортками, картофельной муки оладьями, котлетами изъ «молодой крапивы», сиреневой гнилости трехлѣтними рябчиками, поджаренными на масло-«какао» пополамъ съ олифой.

Пирожныя по три рубля — и прирумяненные для привлекательности скорѣй всего губной помадой ярко-краснаго оттѣнка.

Тутъ же самодовольно поплевываетъ густымъ цикорнымъ дымкомъ латунный кофейникъ.

— Аааа ка-а-аму кохвекою гаа-аарячаго... Съ перцемъ, съ сердцомъ съ нашинскимъ удавольствиемъ! — безобразно выпячивая губы, а съ губами и слова, оретъ голодный сбитенщикъ.

Въ гранитномъ строго-изящномъ подъездѣ продаютъ кусочки пыльнаго плиточнаго сахара — 75 копеекъ штука.

Вонь — какъ въ зимнемъ помѣщеніи зоологическаго.

Вѣтъ вѣтеръ, мететъ пыль, а вонь не развѣваетъ.

Страшно среди этой агонизирующей толпы.

* * *

Послѣ Николаевскаго вокзала Финляндскій вокзалъ — сплошная идиллія.

Но его пріятность только кажущаяся.

Некуда уѣзжать по Финляндкѣ.

Выморочный уголь. Тамъ ужъ не Россия.

Вы не знаете — третье Парголово чье? Наше или Свинхувово?

Въ залахъ вяло, полупусто.

Въ механической заводной танцующей, подъ стекляннымъ колпакомъ спятъ фигурки.

Бросьте монетку — запляшутъ, словно подъ нѣмецкую дудку.

Да мѣднаго пятачка то-и нѣтъ.

Аккуратные сине-черные агенты дороги скользятъ лунными тѣнями.

Здѣсь зеркальце у устъ Питера не замутнится: смерть!

* * *

Тоже и на «Приморскѣ»

Но зато у Паркосельскаго — мрачнѣйшая борьба между жизнью, смертью.

Только что пришелъ поѣздъ.

Двѣ шеренги голодныхъ стоятъ внизу, у распахнутыхъ стальныхъ тонкихъ воротъ, надъ которыми зажегся багровый глазокъ фонаря.

Потекла лавина мѣшочниковъ съ Поселка и Вырицы, можетъ быть изъ белорусскихъ деревенекъ изъ подъ самаго Витебска.

— Что есть?

Тянутся руки. Лѣсъ рукъ.

Заросли рукъ. Вытянутыхъ рукъ цѣлыя рощи.

Скрючены пальцы. Жутко!

Какъ въ «Царѣ Эдипѣ», гдѣ такъ тянуть руки статисты...

Расхватываютъ въ одночасье молоко, мясо, картофель.

Мѣрять нечѣмъ. На глазомѣрь, — на руки! — покажутъ — сколько?

Внутри у стойки съ надписью: «Шоколадъ Кайе лучше всѣхъ», продаютъ мокрыя нарубленные части бычьяго пузыря и кишки...

Воняетъ нестерпимо, — и хочется рыдать, глядя на измученныхъ людей, подъ обольщающей «лучшимъ шоколадомъ» вывѣсочкой, лопающихся смрада и дрянь могильную...

Кокетливое изящное зданіе въ бѣлыхъ мазкахъ.

Круглые фонари въ чехлѣ толстой пыли.

Мерзость запустѣнія.

* * *

У Варшавскаго вокзала вы видите питерскихъ рикшъ, «человѣкъ — лошадей».

Квадратный помостикъ тележки.

Человѣкъ въ стрепяхъ придерживаетъ оглоблю и сипитъ:

— Провезу вещи, втрое дешевле извозчика.

Везетъ дорожныя вещи: картофель, гарниръ, десять овса, который мелютъ въ муку на лепешки.

Наши собственные японцы-лошади.

Лошади повыдохли значительно. Кормовъ нѣтъ. Человѣкъ выносливѣй скотины. И безъ кормовъ сипитъ, хрипитъ, кое-какъ дышитъ. У Балтійскаго то же самое.

Тутъ больше всего молока и лучшаго, не разбавленнаго. Продають корпами и тутъ же распиваютъ.

Всюду — у вокзаловъ, какъ въ лейденской банкѣ, шорохъ тугого электричества. Тревожный бытъ привокзальный изрѣдка только разсѣиваютъ благополучнымъ своимъ видомъ рабоче-рабичнаго облика господа, привозящіе въ дорогихъ реквизируемыхъ автомобиляхъ свою семью. Извозчикъ дорогъ. А моторы есть во многихъ учрежденіяхъ и бесплатныя. Пріятно глядѣть на радостныя

— А цѣну почему свою установили?

— Я на прификсъ примѣривши.

— Ничего не понимаю. Мнѣ ни на журфиксъ, ни на прификсъ, пожалуйста, въ моемъ мѣстѣ не мѣняйте. Кто вы изъ себя тутъ есть?

— Изъ себя я тутъ ничего не составляю; единственно темноту пожалѣвши. Шесть рублей, развѣ это мысленно? Ты бери въ препорціи, а не сверхъестественно... Я раньше въ зеленой служилъ и завсегда аккуратно вѣшалъ, — вотъ и помогъ личностямъ, что на творогъ стали.

При видѣ усатой, бровастой и весьма надутой Немезиды, бабенка въ три ручья слезы льетъ и воеетъ жалостно-бѣлужимъ теноромъ — да такъ, что кажется Александръ нетерпѣливо крикаетъ на своемъ трубецкомъ конѣ...

Ревизоръ уводитъ зарвавшася радѣтеля демократическо-творожныхъ нуждъ...

* * *

Гамъ. Вопли. Крики. Плачъ.

У десятаго изъ сающихся на трамвайномъ кругу вырѣзаютъ карманъ, а заодно и кошелекъ...

А вотъ, какъ мутная полоса за кораблемъ, за Николаевскимъ вокзаломъ, со стороны третьяго класса, цо всей Лиговкѣ, расплеснулась невообразимая толпа.

Голодь не только грозно, но и очень безобразно расписалъ всю правую панель, насупротивъ вокзала.

Чего только здѣсь ни продають.

и гордые облики женщинъ въ платочкахъ, отбывающихъ на отдыхъ въ свои великолудскія Монрепо.

Авгуръ.

НА СМІСНУ КУРЕНІЯ ПРИШЛО ВИКУРВАНІЄ

312 н.ч. 3

...и вот до чего, не дай Господи, доведетъ“...

Рис. для „Огонька“ худ. Г. БОЧКАНОВА.